

ВЯЧЕСЛАВ СОКОЛОВ

МАЖОР

ПУТЕВКА В СПЕЦНАЗ

Боевая фантастика

Вячеслав Соколов

Мажор: Путёвка в спецназ

«Автор»

2023

Соколов В. И.

Мажор: Путёвка в спецназ / В. И. Соколов — «Автор», 2023

Меня зовут Егор, я обычный представитель «золотой молодёжи», иными словами Мажор. Всё было шоколадно, пока папашу не достали мои выкрутасы. И отправил он меня в армию на перевоспитание! В места дальние, лесные, где из женского полу только медведицы, а из выпивки ракетное топливо. Ага, сейчас! Я же там от скуки умру. Уж лучше в ВДВ. Романтика! А главное, девки любят крепких парней в голубых беретах. Красота! Вот только тут почему-то пули свистят и периодически пытаются убить... Ещё и сверхспособности проявились! На Земле, что, есть магия?!

© Соколов В. И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	23
ГЛАВА ПЯТАЯ	30
ГЛАВА ШЕСТАЯ	33
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	37
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	40
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вячеслав Соколов

Мажор: Путёвка в спецназ

ПРОЛОГ

– Удачи, мужики! – старший лейтенант Рогожин крепко пожал нам с Тунгусом руки. – До свидания...

Последние слова сказаны, и мы смотрим в спину уходящих ребят. Парни оглядываются, в глазах сожаление. Ведь каждый из них рвался остаться здесь, но не судьба. Ибо шанс задержать бандитов и остаться в живых – есть только у меня и моего напарника.

Хотя нет! Командир! Вот он бы смог, но его обязанность увести группу и заложников. Тяжело мужику. Оставить двух своих «любимчиков» практически на верную смерть... Да уж, «любимчики»! Ибо то, что было нормально для всех, для меня и Тунгуса было плохо! И пахали мы больше и бил нас сильнее, а всё потому, что мы особенные. Не такие как все – у нас есть дар. У командира, кстати, тоже... Но нам до него ещё далеко. Как новорождённому щенку до матёрого волкодава.

Всё-таки удачное здесь место: ни справа, ни слева нас не обойти. Точнее обойти-то можно, но на это уйдёт много времени, так что – только в лоб. Метрах в пяти позади меня, за камнями, залёг Тунгус. Пусть здесь и не слишком крутой подъём, но всё же... Прикинув к оптике СВД, сосредоточенно отстреливает неосторожных... Отлично!

Прижимая к плечу пулемётный приклад, стреляю: короткими, злыми очередями. Главное, выиграть время – сколько можно и дать парням шанс оторваться. Сколько же вас? Получите, твари! Сдохните!!!

Вот скажи кому: сын олигарха валяется в грязи, с пулемётом и не ради развлечения, а спасая чью-то жизнь. Не свою. Чужую! Сам бы не поверил...

Ох-хо-хох... Как же я докатился до такой жизни?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меня зовут Егор. Егор Милославский. Я яркий представитель «золотой молодёжи» – богат и хорош собой. Как говорится: высокий, красивый, голубоглазый, почти блондин (у меня светло-русые волосы). Характер? Да хреновый у меня характер! Из-за него и все неприятности... Но об этом чуть позже – не будем отвлекаться. И вернёмся немного в прошлое...

Главная моя слабость – женщины. Красивые женщины. А теперь представьте: что в то время, когда ваши одноклассники вовсю крутят с девочками, вы толстый (хоть и высокий) подросток, с весьма дряблыми мышцами и скверным характером (избаловали меня, вот так). Короче, с девочками беда. А хочется, аж сил нет! Представили? Ну и как? Вот и я решил, что пора показать всем, кто тут самый-самый!

Вид спорта, которым стоит заниматься, выбирал довольно долго. Всякие боевые искусства меня не привлекли – больно! Тяжёлая атлетика тоже – видели фигуры штангистов? Бр-р-р... Гимнастика? Поздно. Да и так измываться над собой? Увольте. И выбор пал на плавание: воду я всегда любил. Конечно, и здесь надо было пахать, но без этого никуда. Да и понравилось мне... Ещё бы не патологическая лень и разгильдяйство! Так что дальше КМС я не продвинулся, хотя, тренер был уверен, что я способен на большее. А мне оно надо? Я в профессионалы не собираюсь, меня и здесь неплохо кормят. Главное, что фигура у меня стала... Девочки в восторге!

Хотя есть у меня ещё одна слабость. Стрельба! И надо сказать, что в этом деле я достиг весьма приличных результатов. Особенно с пистолетами. Нет, вы не подумайте, что я занимался в какой-нибудь секции. Зачем? При наличии тира и хороших учителей можно достигнуть многого! А с хорошими, точнее отличными, преподавателями проблем не было. На отца работало такое количество отставных спецов, что выбор был всегда.

Но, несмотря на изменения в моей жизни, менее избалованным я не стал. Хотя чему удивляться: единственный ребёнок, воспитываемый отцом (мама умерла, когда мне было семь лет), получающий всё, что захочет. Вот вы бы не избаловались? А найти неприятности на свою пятую точку? Да было бы желание. И оно у меня было, и я регулярно влипал в истории... Отец неизменно меня выручал, потом долго орал, даже пытался наказывать, но всё повторялось снова и снова... Но вот в один далеко не прекрасный день, терпение отца лопнуло.

Ох, не стоило смешивать «травку» с водкой, запивая это дело пивом. Не хочу рассказывать, что я учудил, но если бы не папа – мог бы и на нарах оказаться. А так, как всегда произошло. Ну, это я так думал...

За окном во всей своей красе царствовала осень. Осень 2006 года. А перед окном лютовал батя:

– Хватит! Моё терпение не безгранично, я больше не намерен спонсировать твои выходы.

– Почему? Деньги закончились? – пытаюсь обернуть всё в шутку.

– Для тебя – да! Больше ни копейки от меня не получишь, я не собираюсь безучастно наблюдать, как единственный сын мостит прямую дорогу в тюрьму.

– Пап, ты что? Белены объелся? – не на шутку перепугался я.

В таком состоянии он запросто может забрать ключи от машины и лишит карманных денег, а без оных я оказываюсь в пролёте. Столько времени убить на улаживание Светки, почти добиться своего и на тебе – такой облом. У меня как раз сегодня – свидание. И есть все шансы! Надо что-то делать!

– Заткнись и слушай! – продолжает надрываться отец. – Я решил, что тебе настала пора научиться работать головой. Так что готовься!

– К чему? – полный нехороших предчувствий, спрашиваю я.

– К армии, – кривя рот в ехидной усмешке, ответил отец.

Я аж подпрыгнул. Что же это такое получается?! Люди добрые! За что? Ну, накосячил немного. С кем не бывает? А тут сразу в армию. Так же нельзя! Я, конечно, знаю, что батя свято верит в армейскую дисциплину, как-никак полковник в отставке, но родного сына отправить служить? Бред!

– А как же учёба? – прибегаю к давно испытанному аргументу.

– Об учёбе вспомнил? Напомни-ка, когда ты в последний раз на лекциях был? То-то и оно. Можешь не беспокоиться: с ректором я договорился, на время службы тебе предоставят академический отпуск. Так что служи, сынок, как я служил. Утром отправляемся в военкомат, там тебя определят. Будешь сидеть в тайге, ракеты охранять. Место глухое, на пятьсот км, ни баб, ни водки, ни травки... Хм... Интернета тоже нет, как и сотовой связи. Так что не забывай писать письма... Глядишь, научишься ценить то, что у тебя есть. И привыкай к дисциплине. Учти, накосячишь – вытаскивать не буду, это твой последний шанс: стать человеком и научиться пользоваться головой по назначению, а не коньяк туда хлестать! Стыдно сказать, радуюсь, что мать не дожила... не видит, кем стал её сын!

– Па-а-ап!? Ты что серьёзно? Решил загнать меня, хрен знает куда? Я ж там с тоски загнусь!

– Не загнёшься, – отец похлопал меня по плечу, – только не от тоски. Как говорится: кто в армии служил, тот в цирке не смеётся! И не смотри на меня такими добрыми глазами... Я слишком люблю тебя, а значит, всё повторится, а так, может, человеком станешь.

– Типа, с глаз долой, из сердца вон? – предпринимаю последнюю попытку.

Батя поперхнулся, но взял себя в руки и жёстким голосом отрезал:

– Считай так... Два года у меня нет сына, – а потом поднёс кулак к моему носу и добавил, – но если писать не будешь, приеду и набью морду.

Вот так всегда, то нету, то набью... Осталось только смириться. Лучше бы в детстве порол, глядишь, толк был бы?!

М-дя... Про голову батя хорошо сказал. Пока проходил медкомиссию, познакомился с другими призывниками... Кто сказал, что на «пересыльном» нельзя достать водку? Плюньте ему в глаза! Эх, говорил мне папа: пить вредно. Но ведь я же самый умный? Помню, как подерживая друг друга шкерились в последнем ряду на построении. Помню, как грузились в поезд, и вроде даже видел того офицера которому меня отец поручил. Он ещё так неодобрительно покачал головой. И, кажется, уже в поезде меня на кого-то стошнило!

Очнулся я только утром – на третьей полке, в весьма тяжёлом состоянии. Кое-как спустившись вниз, тут же получил в руки бутылку минералки от сердобольных соседей. Спасители!!!

И вот тут-то и стало понятно, что водка враг. Меня, оказывается, действительно стошнило – на майора. Парни сочувственно сообщили, что этот майор, грозился устроить мне весёлую жизнь. Но как говорится, нет худа без добра. В роли доброй феи выступил прапор. Чистенький такой, выбритый и только покрасневшие глаза выдавали, что вчера не только я предавался пороку пьянства.

– Попал ты парень, – покачал головой прапорщик, вынырнувший непонятно откуда и усевшийся рядом со мной.

– Чего это? – спрашиваю, с трудом ворочая языком.

– Ох, и злопамятный мужик наш майор, вот помню, был случай...

Да что тут говорить? Будь я в адекватном состоянии, наверняка бы сообразил, что меня разводят. Но! До адекватности было ещё как минимум полдня... Вот потихоньку и охреневаю от перспектив написанных прапором. И тут видимо решив, что я дошёл до кондиции, он озвучил своё предложение:

– Я тут посмотрел твоё дело, у тебя почти высшее образование?

– Угу...

– Это хорошо. Есть идея, как помочь твоему горю.

– А вам-то это зачем товарищ прапорщик? – поинтересовался паренёк, сидящий напротив нас.

Прапор неодобрительно взглянул на него, но пояснил:

– А у меня свой интерес. Через один вагон, везут парней в десантуру, а там прапор – мой старый дружок. Мы с ним вчера... э-э-э... посидели, за жизнь поговорили... – добрый фей потёр подбородок, – мне начштаба сказал, не привезу художника, в отпуск в январе пойду, – и тяжело вздохнув, продолжил: – А у Сашки есть, и он готов поменяться, но только на кого-то с образованием. Желательно с высшим. А где его взять? А у парня почти высшее, языки знает, – и, обращаясь уже ко мне. – Знаешь?

– Знаю... – язык всё так же едва шевелится.

– Вот! А английский?

– Я пять языков знаю... – к горлу подступил комок и никак не хотел рассасываться. – Правда, два не очень хорошо.

– Это как? Со словарём?

– Нет. С акцентом.

– Однако! – прапор задумался, но тряхнув головой продолжил. – Художник сильно нужен, а на тебя сто пудов поменяется. Ты вон, какой здоровый.

Короче договорились, чего уж там. На мой вопрос, а как это вообще? Прапор сказал что, то не мои заботы, за призывников он отвечает, а майор вообще чисто в Москву прокатиться...

Так что служить мне теперь светило в ВДВ. А что? Всяко веселей, чем в тайге и форма красивая. Главное чтоб батя не узнал, что я свинтил от той замечательной перспективы, что он мне нарисовал! Но как оказалось, десантура базируется в тех же краях. Что не слишком странно – на одном поезде едем. Так что... Пишем что в тайге. Надеюсь, ему не придёт в голову проверить? Ну да ладно: бог не выдаст, свинья не съест.

Вот такими замысловатыми путями я и попал в десантуру. Вначале была учебка, куда я загремел после принятия присяги, и тут я понял – нет предела совершенству! А ведь считал себя весьма крепким парнем. Но мне быстро объяснили, как я был не прав...

Проклинаю всё, стиснув зубы – я терпел. А что мне ещё оставалось? Гонор из меня вышибли довольно быстро, сержанты они такие – или вышибут, или зашибут: третьего не дано! И вот, моё самолюбие проявилось в том, что я стал одним из лучших. Ещё бы, если бы не оно, я и КМС в своё время не стал бы. Хотя, если бы приложил немного больше сил, мог бы и мастера получить. Но здесь сачкануть не давали никому и, чтобы не отстать, мне пришлось приложить максимум усилий.

Но одно уж точно: здесь не скучно. И если быть честным хотя бы перед собой, то была у меня мыслишка, покаяться перед батей. Ведь наверняка уже простил? Хотя? Нет, из армии бы он меня точно не стал вызволять, но вот устроить перевод в тайгу... Нет уж! Нафиг! Тут хоть иногда на баб посмотреть можно, а там? Наверняка ведь кроме медведиц, никого! Вот доживу до увольнительной... Что б такой красавец как я и не нашёл себе пассию? Да не смешите меня! Ведь когда-нибудь это закончится? Так что в тех письмах, что я регулярно отправлял домой, писалось, что всё путём! Кругом тайга, баб нет, водки нет, и вообще круглое носим, квадратное катаем – романтика! Бате должно понравиться... Хотя порой я жалел о своём решении, но как представляю, взгляд отца: «Я так и знал!» Так стискиваю зубы и вперёд!

А через два месяца с начала учёбы к нам приехал какой-то старлей, набирать бойцов для службы в элитной части. В числе кандидатов оказался и я! Всё, что угодно, лишь бы вырваться из этого ада! Постоянная боль в теле, недосыпание и желание пожрать! И тут он, старший лейтенант Рогожин, предлагает выход.

Вот я и познакомился со своим будущим командиром – высоким, плечистым мужчиной. Породистое, аристократичное лицо, стальной взгляд серых глаз, по-военному короткая стрижка русых волос и ощущение силы, исходящее от него. А заодно, увидел своих будущих друзей: Вовку, Тунгуса и Марата.

– Итак, бойцы! Меня заверили, что вы лучшие! – пятнадцать человек, стоящие в строю, довольно загомонили. – Но! Позвольте усомниться в столь лестной для вас оценке, ибо ничего вы не умеете и соответственно ни на что не годны. Поэтому, я выберу только несколько человек... Возможно всего одного или двух... Так что советую приложить все усилия, ибо там, куда я вас заберу, служат лучшие из лучших... И слабакам там не место.

– А где это – там? Какие войска? – вылез вперёд Вовка-Балагур. Здоровый детинушка, обладающий неистребимым оптимизмом, позволяющим даже в нашей не лёгкой службе, находить что-то весёлое!

– Фамилия!

– Быстров!

– Так вот Быстров... Если справишься, ты у меня любимчиком будешь... – многообещающе сказал старлей, – а служить? Ты вот в каких войсках сейчас?

– ВДВ!

– Ну что ж... Голубой берет тебе к лицу, так и будешь служить, – улыбнулся Рогожин. – Только часть будет особая, элитная... и с пайком повышенной жирности!

Услышавшие про еду парни сразу оживились – кормили-то нас не шибко богато. И ведь не соврал ни слова, паёк в новой учебке действительно был от пуза. Только жрать всё равно хотелось постоянно... Хотя сухой паёк дефицитом не был, ешь, не хочу... только на нём ведь далеко не уедешь. Так только червяка задобрить, что б ни злобствовал! На бегу самое то...

– Итак, полоса препятствий на время, стрельба и рукопашка, с оружием и без... И чтоб вы поняли, как оно надо... – старлей многозначительно посмотрел на нас.

Подойдя к полосе препятствий, Рогожин вручил секундомер Балагуру:

– Засекай!

И рванул! Мама дорогая! Вот это да! Я-то думал, что мы уже серьёзные парни: среди нас не было ни одного, кто не перевыполнял бы норматив хотя бы на три секунды! А старший лейтенант не шёл, не бежал – он летел!

Пробежал по скользкому бревну, лежащему над лужей с грязью, так как будто это ровная дорога! Перелез, нет, перелетел двухметровую стену одним лёгким движением – как будто палисадник в сквере! А сетка! Никогда бы не подумал, что по ней можно подыматься с такой скоростью... я и по лестнице медленней лезу... Охренеть!!! Этот, точно ЭЛИТА!

Проскочив всю полосу, даже не запыхавшийся Рогожин, подошёл к нам:

– Ну и сколько там получилось? Боец!!! Я спрашиваю, за какое время я прошёл полосу препятствий?

– Я не знаю... – Вовка обречённо смотрит на секундомер. – Я нажать забыл...

– Ну, так нажми!

– Есть!

– И что получилось? В норматив уложился? – хохотнул Рогожин.

Балагур обречённо кивает:

– Вот прям сейчас лучше норматива на шесть секунд...

Ну что я могу сказать, у Тунгуса оказалось лучшее время, у меня второе, у Марата третье, а у Балагура четвёртое. После того, как этот пыточный тренажёр прошли все, мы отправились на стрельбище. Сейчас я с улыбкой вспоминаю эту полосу препятствий... детский сад. Если бы тогда знал, что меня ждёт впереди... ногу бы сломал где-нибудь посреди пути...

На стрельбище ожидаемо лучшими оказались Марат и Тунгус, что с автоматом, что со снайперской винтовкой. Я тоже не ударил в грязь лицом, но и особо не выделялся. А вот когда дело дошло до пистолетов...

– А с двух можешь?

– Так точно! – я скромно потупился. – И по движущимся и в движении...

Хотя внутри всё ликовало! Сейчас, сейчас мой звёздный час! Не без основания я считал себя лучшим, даже инструктора признавали моё первенство!!!

– Хм... Читал я в деле, читал... Тогда сейчас все отстреляются, и пойдём в тир. Покажешь!

Ух, как я показал!!! В движении, по движущимся мишеням... на дистанции – от двадцати, до сорока пяти метров... Пять десятков, шесть девяток и три восьмёрки...

– Молодец Милославский! – Рогожин широко улыбнулся. – Но что б ты не зазнавался...

Забрав у меня пистолеты, сделал несколько пристрелочных выстрелов... подошёл к мишени... посмотрел... хмыкнул... выстрелил ещё по разу... снова посмотрел, и удовлетворённо покачав головой, пошёл на огневой рубеж.

Встал, замерев и уставившись в одну точку перед собой:

– Давай!

Там где я крутился или хотя бы поворачивал голову в сторону мишени, он просто стоял... И, подняв руки, стрелял, всё так же смотря перед собой: едва мишень приходила в движение, как следовал выстрел... Да, меня учили стрелять не целясь, стрелять туда, куда я смотрю... Я так и стрелял, но он-то не смотрел!

– Милославский!

– Я!

– Будь любезен, озвучь результат!

Офигеть!!! Девять десятков, пять девяток! При этом, не тратя ни мгновения лишнего!

– Ну что боец? Как? Сбил я твою спесь?

– Ещё как... Ещё и мордой пару раз в «это самое» макнули! – сконфужено признал я.

– Научиться хочешь?

– Да!

– На рукопашке не облажаешься, я тебя возьму... Кстати, вас это тоже касается... – ткнул пальцем в Тунгуса и Марата.

Ах, сколько раз я потом жалел, что чья-нибудь шальная пуля не вынесла мне мозг...

Что же касается рукопашного боя... Минут пять старлей с улыбкой наблюдал за нами. Потом сплюнул и приказал остановиться:

– Нет, хлопцы, так дело не пойдёт! Меня интересует ваша реакция, а не то, насколько хорошо вы друг другу поддаётесь...

И не обращая внимания, на наши честные глаза, хмыкнув, добавил:

– Генералов разводить будете! Устроили показуху! А ну, в очередь...

Млять!!! Больно-то как!!! Вы пробовали ударить ветер? Или бороться с бурным речным потоком? Попробуйте! А я не буду... мне старшего лейтенанта Рогожина за глаза хватило! Ох-хо-хо... Если бы я знал... КАК! Он будет учить нас рукопашке... Или я уже повторяюсь? Один фиг, сколько раз я жалел, что мне не свернули шею в этот день...

А взял он: меня, Тунгуса, Марата, Балагура и ещё одного парня, имени которого уже не помню, а может и не знал... Хотя по поводу Вовки, Рогожин частенько сокрушался:

– И где были мои уши, когда я вас набирал?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Элитная часть? Нет, ну надо же было так влететь? Учебка! Ещё одна учебка! И ведь что ещё интересно: Рогожин ни слова не соврал. Это было элитное учебное заведение. С подобающим уровнем секретности, письма мы теперь получали распечатанными. И что интересно, адрес на них был всё тот же, что и раньше. Хотя находились мы совсем в другом месте. Нас об этом предупредили сразу, чтоб лишнего не писали. А мне так вообще в жилу! Я ж ракеты в тайге охраняю, хотя решил на всякий случай написать, что теперь при штабе бумажки перебираю, а то, как бы папка жалеть меня не начал! А то мало ли... А так, сынок в безопасности – всё хорошо! Забегу немного вперёд и скажу о том, что всё время пока я служил, адрес ни разу не сменился. Ну да у военных это нормальное явление...

Вы вот, наверное, недоумеваете, что это на меня нашло? Или думаете, что я записался в мазохисты? Да нет. Просто за прошедшее время я многое понял и осознал. Вот за вами когда-нибудь ходил табун охраны? Чтoб чуть ли не свечку держали... в процессе... Надеюсь, вы понимаете, о чём я? До такого, конечно, не доходило, но было очень близко и так раздражающе. Естественно хотелось свободы, и, как правило, постоянные побег. А стоило хоть на минуты вырваться из-под опеки, как меня начинало нести. И вот наконец-то, я сам за себя. Да надо мной командиры, но ведь никто не бежит за тобой:

– Егор Анатольевич, это нельзя, туда не надо, папа ругаться будет...

И всё зависит только от меня. Сверну шею, так сам! Но это вряд ли, я ещё всем покажу, что нахрен мне эта охрана не нужна!!!

Однако, вернёмся к тому, чему собственно мы учились. А готовили из нас диверсантов: по какой-то новой, ускоренной программе. Ну и как водится, на нас ставили эксперимент – загнёмся или нет. Хотя это я, конечно, утрирую: всё было рассчитано до мелочей, вот вроде сейчас упадёшь и не сможешь встать... но нет – «выходной».

Как мало надо человеку для счастья! Всего лишь выспаться... Примерно раз в три-четыре дня: нам давали отоспаться. После стандартных четырёх-пяти часов – нам давалось двенадцать. В первой учебке: шесть часов было за счастье, но и пахать приходилось меньше и, казалось бы, что со временем мы должны были привыкнуть спать меньше, но постоянные нагрузки, как физические, так и моральные – выжимали всех. Поэтому мы спали как убитые и бывали случаи, когда Рогожин накидывал часок другой... Но потом снова выжимал из нас все соки!

Не все выдерживали нагрузки или могли достигнуть постоянно повышающейся планки нормативов. Парней куда-то переводили, по утверждению нашего главного инструктора Рогожина, на Камчатку... Белых медведей пугать. Хотя через несколько месяцев, ставший моим непосредственным командиром Рогожин признался, что их переводили в другие отряды. Зачем неплохо подготовленных парней терять? Это ему они не подходили, а другим так вполне...

Из начальной двадцатки он отчислил одиннадцать человек, и нас стало десять. Нет-нет, я умею считать, просто через две недели, после начала обучения, к нам добавился ещё один боец – Саня.

Саня: мелкий (на фоне мужиков под метр девяносто), среднего роста, худой, жилистый, весь как на шарнирах и лицо такое интеллигентное. Казалось бы, как он вообще в ВДВ то попал, а уж в спецназ и подавно? Но не всё просто в этом мире... Оказалось, что у него первый разряд по биатлону и естественно, что его загребли в снайперы. Только элитный снайпер из него не получился. В чём причина не известно, ведь стрелял Сашка весьма хорошо. Хотя похуже чем Тунгус или Марат. Зато с ножом парень оказался просто мастер... Вот и перевели к нам – чего добру пропадать! Ведь стоило взять в руки нож и вместо, казалось бы, обычного человека, он преображался в матёрого зверя... В чём я убедился в первый же день знакомства!

У нас как раз предвиделся «выходной» – поэтому мы не спешили ложиться спать и занимались мелкими делами: подшивались, чинили форму и прочее... И тут в казарму вошёл Санёк. Поздоровавшись со всеми и представившись, спросил:

– Где можно приземлиться?

– Да вон пустая койка, – машу рукой, – бросай вещи и давай поближе, расскажешь, кто ты и откуда...

Сашка, сбросив вещи, подошёл и задал очень серьёзный вопрос:

– Братва, есть что пожрать? С утра голодаю!

– Сухпай будешь?

– А есть выбор?

– Нет.

– Тогда буду.

– Держи, – запасливый Балагур подал гостю «перекус».

Недолго думая, тот начал грызть паёк.

– Что, глисты проголодались?

На горизонте появился Иван: здоровенный шкаф, наш пулемётчик, в его руках пулемёт казался маленьким и несерьёзным. Все присутствующие удивлённо посмотрели в его сторону – чего это он? А того заусило: начал нести какую-то ерунду, а новичок спокойно сидел и грыз паёк. Что происходит? Ясно только, что у Ваньки какие-то претензии к этому парню. Народ напрягся, готовясь вмешаться. За драку можно было вполне лишиться «выходного». Как вы понимаете – это никого не устраивало!

А Саня всё грыз и грыз, не обращая внимания на начавшего уже раздражать всех Ваньку. Я только набрал в лёгкие воздух, чтоб рявкнуть на распоясавшегося подчинённого (сержант я или как?), но тут Ваня упомянул какую-то Лиду. Цветасто так! И Сашка взорвался: раз, и он уже сидит на спине хама, и, вцепившись в него как клещ, прижимает к шее нож. Никто даже среагировать не успел!

– Ну, здравствуй, Ванюша! Видишь, как всё изменилось. Я теперь могу за себя постоять.

– Слезь, сука!

– А ты сбрось меня, – жарко шептал в ухо Саня. – Давай! А у меня рука дрогнет. Видишь, сколько свидетелей. Ты же самый сильный, давай!

Ваня стоял, красный как рак, и не знал, что делать. И лицо потерять нельзя и что делать – не понятно. Пора вмешаться:

– Отставить! Мать вашу! – я встал, поправил ремень и строго так: – Какого хрена?

Ваня, всё такой же красный, смотрел в потолок. Саня ковырял носком берца пол и изображал невинность. Ножа при нём уже было не видно. Куда дел?

– Я не понял!? Вы что, целок изображать собрались? Я сейчас спрашиваю как Егор, но могу и как сержант Милославский спросить. Выбор за вами.

И они начали колоться. Каждый со своей колокольной. Но кое-что прояснилось. Парни были знакомы всю жизнь: жили в соседних подъездах, ходили в один садик, потом в одну школу. Старая, как сама жизнь история – примерный мальчик и хулиган. Всю сознательную жизнь Ванька терроризировал Сашку, тот как мог, сопротивлялся, но силы были не равны. И тут, перед самой армией: самая красивая девочка, которая, естественно, гуляла с самым крутым парнем (кто не понял, с Ваней), неожиданно влюбляется в Сашку. А ведь Ванька всего лишь хотел произвести впечатление своей крутизной, но девочку больше впечатлил окровавленный Санёк, схвативший какую-то палку и нелепо махавший ей, пытаясь защитить свою честь. Естественно против троих здоровых хулиганов шансов у него не было. Когда его сбили с ног и принялись пинать, девочка Лида тоже проявила характер. Схватив оброненную палку, она начала целенаправленно лупить по головам.

Хулиганы отступили, как не крути, а полными отморозками они не были, и бить девчонку не стали. Вот так и рассмотрела Лида в соседском мальчишке мужчину. Через три месяца они поженились. А через неделю молодой муж ушёл в армию. Ну а Ваня никак не мог простить Саше то, что он увёл у него подругу. М-дя.

Нарисовалась проблема – там, где не ждали! И решать её придётся мне, потому что если за дело возьмётся Рогожин, то горячо станет всем! Методы то у него... А больше всех достанется мне любимому! Поэтому для начала я отобрал у Сашки нож и предупредил, что если увижу в казарме с оружием – быть ему битым. А вот с Ваней было немного сложнее:

– Значит так, голубь сизокрылый, если будешь задирать новичка, придётся сдать тебя Рогожину. И пойдёшь ты служить на северный полюс!

– А чего сразу Рогожину? Значит, как этого зяблика – так бить, а меня сдавать. Не по понятиям это!

– А понятия свои в очко себе забей! Понял!

Ваня сжал кулаки и насупился:

– Ты за базаром следи, сержант, а то ведь не посмотрю...

– Да-да! – киваю. – Вот именно! Ты парень здоровый, а значит, бить тебя придётся, как минимум, с младшим сержантом Хаматшиным. А ты будешь сопротивляться, так что, скорее всего мы тебя покалечим... Но ведь жалко дурака! – и, приблизившись к Ване в плотную, посмотрел снизу вверх, выдохнув в лицо: – Лучше на Камчатку! Или думаешь, что ты настолько крут, что сможешь с нами справиться?

– Нет, – Ванька пожал плечами, – да и дизель за такое светит...

– И?

– Я всё понял.

– Конкретней, Ваня, конкретней!

На некоторое время задумавшись, сформулировал:

– Я не дам повода кидаться в драку.

– Нет, так не пойдёт...

– Меня это устраивает! – влез Саня.

– Что? – в удивлении смотрю на новичка.

– А что? Если он не будет касаться моей семьи, всё остальное по барабану.

Я задумался, потом посмотрел на Марата, тот едва заметно кивнул:

– Хорошо! Но если ваша вражда вылезет наружу и пострадаем мы все, то... – многозначительно молчу.

– То бить будем все! – тут же влез Балагур.

– Замётано! – хором ответила «сладкая парочка».

Вот кто мог подозревать: что вражда этих, таких не похожих друг на друга парней, выльется в то, что они резко улучшат все показатели – стараясь показать, кто круче!

Я же рвал последние жилы, чтобы быть в числе первых: ведь сержантом я пока был не совсем настоящим, скорее исполняющим обязанности. Рогожин, недолго думая, назначил меня, как имеющего четыре курса высшего образования и Марата, закончившего техникум. При этом предупредив, что если справимся то, по окончании учебки звания подтвердят, а если нет, то всё может измениться... Вот мы с Маратом и старательно утверждали свой авторитет, в чём нам активно помогали Балагур и Тунгус.

Кстати! Оказывается, мы с Тунгусом не совсем обычные люди: после одной из тренировок, когда нам показывали, как надо маскироваться, Рогожин вдруг приказал нам, идти за ним...

Инструктор отвёл нас с Тунгусом в ближайший лесок. Вот забавно, на дворе январь, а снега нет, и температура ниже ноля не опускается – интересно, где мы? Выйдя на небольшую лесную полянку, со старой пожухлой травой, слушаем лекцию:

– Умение маскироваться важно не только для снайперов, но и для таких бойцов как ты, Егор, – Рогожин стоит передо мной и Тунгусом, покачиваясь с пятки на носок. – Но если снайперу нужно просто уметь слиться с местностью, что, учитывая расстояние, делает его невидимкой... То для бойца ближнего боя – этого недостаточно. Вы парни талантливые и сможете научиться отводить глаза...

– Разве это возможно? Я думал, что такое только в кино бывает... – удивляюсь я.

– А я вообще снайпер... – улыбается Тунгус, невысокий крепыш, явно северных кровей. Отсюда и прозвище, хотя, может он и правда тунгус? Надо спросить.

– Ну, будешь шибко крутым снайпером, – ухмыльнулся старший лейтенант, – а насчёт кино... Смотрите...

Отходит от нас на пять метров:

– Отворачиваетесь, считаете до пяти, поворачиваетесь и ищите меня здесь, – показывает пальцем в землю, – на этой полянке!

Ну что ж выполняем приказ: отворачиваемся и считаем... Потом начинаем утюжить эту лесную поляну... Ну что могу сказать?! Рогожина нашёл я... Минут через пятнадцать безуспешных поисков... я об него споткнулся. Хорошо хоть успел сгруппироваться, а то бы точно голову разбил.

– Ну и как вам кино, хлопцы? – радостно улыбается.

– Нет, мы так не сможем, – потерянными голосом говорит Тунгус.

– Волшебство, да и только... – ошарашено киваю.

– Сможете, сможете... – Рогожин довольно потирает руки, – не умеешь – научим, не хочешь – заставим...

– Товарищ старший лейтенант... – взвыл я. Зная методы инструктора, быть заставляемым не хотелось.

– Тут хоть расстреляйте... – поддерживает меня напарник, – выше головы не прыгнешь...

– Не прыгнешь, говоришь? А вы пробовали? – смеётся. «Может, пронесёт?»

– Ладно. Пошутили и хватит... Дело в том, что есть определённая категория людей... Хм... Короче, вы двое можете научиться. Как я это определил, сказать не могу. Уж простите... Просто поверьте на слово. Придёт время, и вы всё узнаете... – тяжело вздыхает, – слушайте и запоминайте.

– Глаза человека всего лишь посредник между окружающим миром и мозгом. То же самое относится и к остальным органам чувств. Вот, например, люди живущие возле какого-нибудь шумного объекта, со временем, перестают замечать этот шум. Почему? А потому, что мозг просто фильтрует этот шум. Но он ведь никуда не пропадает. Или случаи, когда люди видят что-то, чего нет. Так называемые галлюцинации. Игра света и тени, и всё... мозг достраивает образы. Даже обычный сон... Ведь сны бывают настолько реальными: звуки, запахи, изображение... – прохаживается мимо нас. Туда-сюда, туда-сюда... И голос ровный, усыпляющий... – ... Помните, вы не должны убедить противника, что вас нет. Потому что если вы его не видите, то и убедить не сможете. Вы должны убедить себя... Вы трава, дерево, кустик, или просто тень. Ваш мозг создаст образ, а глаза ваших оппонентов этот образ увидят. Проснитесь!!!

Я подпрыгиваю на месте как ошпаренный и, выпучив глаза, пытаюсь прийти в себя... Рядом Тунгус напоминающий рыбу, вытаскиваемую из воды – большие глаза и хватающий воздух рот... Наверное, я так же глупо выгляжу... Судя по довольному лицу Рогожина, так и есть!

– Ха-ха-ха... Ну и видок у вас!!!

– Мы не хотели... Случайно вышло... – начинаем оправдываться.

– Ай-яй-яй, как нехорошо... – и вдруг, гаркнул, – повторить всё, что сказал...

И мы взахлёб, слово в слово, начали повторять. «Офигеть, как это?»

Рогожин с довольным видом продолжал дефилировать мимо нас. Когда мы закончили, хитро улыбнулся:

– Ну как? Здорово?

– Круто! Товарищ старший лейтенант, а что это было? Гипноз? – нас прямо распирает от вопросов.

– Да какой гипноз... Так лёгкий транс, для лучшего усвоения материала. Я, между прочим, постоянно вас оболтусов так учу... Просто в более лёгкой форме... Здесь же я вам установок давал, пришлось усугубить... А сейчас небольшая демонстрация того, к чему нужно стремиться!

Отходит от нас... Шаг, второй, третий и тут я моргнул... Инструктор исчез, просто был, и его не стало!!! ... мать... в... через... два раза... Фантастика! Так не бывает! Всё помню, что он говорил, но услышать одно, а увидеть...

– Это кто тут матом ругается? – раздался позади голос Рогожина. – Хотя душевно загнул, надо запомнить... Идите, тренируйтесь...

А через два месяца, поздним вечером... Мы с Тунгусом спёрли бутылку коньяка со стола отмечающего день рождения начштаба начальства. Шмат сала, палку копчёной колбасы, копчёную рыбину и кастрюлю салата. Офицеры были хорошо выпивши, а источником света служили фонари на улице... Хи-хи-хи... Диверсанты мы или кто? Теней хватало... И притащили всё это богатство к себе в распоряжение... Где были взяты с полочным Рогожиным... Пропи-сав нам горячих, он решил выяснить, что всё это значит:

– Ну и как вы это объясните?

– Экзамен сдаём!

– Какой, нахрен, экзамен?

– По отводу глаз... Вы же сами сказали... Что б мы вас удивили!

– Чего вы мне лепите? Это называется воровство!

– Никак нет! Экспроприация и восстановление справедливости!

– Хм... Ну, допустим, про экспроприацию я понял, а причём здесь справедливость?

Достаю из-за пазухи бутылку коньяка:

– Вот, специально для вас экспроприировали!

– Где?

– Ну, дык в штабе на столе стояла. А вдруг кто на рабочем месте напьётся, вот и забрали во избежание...

– Вы что, ухари, прямо с дня рождения майора всё утянули? – Рогожин улыбается, его нелюбовь с начальством была общеизвестна. – И никто не заметил? Хотя там же все пьяные уже, кроме бутылки перед собой ничего не видят...

– Обижаете! Брали исключительно со стола... Экзамен! Никаких шпаргалок!

– Ладно, зачёт! Но коньяк не отдам! И кастрюлю верните, где взяли... Во избежание...

Ну, а пока это святое мгновение, когда наш инструктор доволен нами – было ещё далеко... И мы постигали нелёгкую науку диверсанта: ползали в холодной грязи, стреляли, в том числе и на звук, учились ставить и снимать, мины и растяжки. Особое же внимание наш истязатель, в компании со старшим прапорщиком Ивановым, уделяли рукопашке: с оружием и без, против вооружённого и безоружного противника, против превосходящего числом, на открытой местности и в тесном помещении. Ибо умение тихо умертвить врага куда важнее для дела, чем всё остальное... И вот, черед инструкторов, сменяющих друг друга, вбивала в наши головы знания, а в тела рефлексy. И над этим всем, грозной тенью, нависал главный садист и истязатель – старший лейтенант Рогожин.

Пожалуй, расскажу чуть подробнее, чтоб стало понятнее какие же они садисты! Например, метание различных предметов, совсем непредназначенных для умерщвления себе подобных. Почему не говорю о привычных ножах? А что о них говорить? И так всё понятно... Можно

сказать одним словом – овладели! А вот вилки, гвозди или монеты, обычные такие монетки, которых полно в кармане любого человека, и прочий мусор! Это – да!

– Ну что же, приступим! – старший лейтенант Рогожин радостно потёр руки. – Всего двести гвоздей в ростовую мишень и всё, можете идти спать! А почему не вижу радости на лицах?

А чего тут радоваться? Ну не верю я, что этот садист может отпустить нас в восемь часов вечера. Хотя? Может он по бабам собрался? Нет! Скорее всего, он бы нас на Степаныча оставил... И, похоже, никто не верит!

– Что, не верите? И когда это я вам врал?

Никогда – это точно. Но вот не верю! Рогожин вообще мастер врать, говоря правду. Например, когда набирал нас в эту учебку. И ведь ни слова не соврал. И правду не сказал! Сволочь – одним словом!

– Не верите? Ну и ладно. Короче так, забиваете по двести гвоздей и свободны. Правила прежние: не воткнул – плюс двадцать, промазал – плюс тридцать, попал в глаз – минус пять, в голову минус один. Ха-ха-ха...

Действительно, на мишенях присутствовали красные пятна, обозначающие глаза. И в самый первый раз мы попались на эту уловку... Контур головы значительно меньше контура тела... Результат представляете? Лично я... пока сообразил... Короче, в тот раз мне пришлось метнуть две тысячи сорок два гвоздя!!! Я думал сдохну... И хотя сейчас я, вполне уверенно начиная с двухсот, заканчивал на сто восемьдесят–двести сорок, а, точнее, благодаря этому, был уверен здесь какая-то гадость. Ещё и мишени стоят всего в десяти метрах! Вот чего он такой добрый? Может всё-таки по бабам?

Принесли гвозди... Мля-я-ять!!! Они же все кривые! Как буква зю!

– Чего такие недовольные? Я вам и мишеньки пододвинул, а вы не цените. Вот обижусь!

Ну, нафиг! Мы всем коллективом, в размере пятнадцати человек, начали восторгаться добротой инструктора. А ведь нас было больше, но Рогожин пятерых уже отчислил. Как утверждал этот садист на Северный полюс... И мы ему верили... Или я уже жаловался?

– Ну, ладно-ладно. Вижу, что уважаете командира, – «Уф, пронесло!»

Взяв в руки то, что когда-то было гвоздём двухсоткой, задумчиво кручу в руках: – «И как его метать?»

– Что, думаете невозможно? – Рогожин ехидно улыбнулся. – Милославский, дай-ка штук двадцать...

Взяв в руки горсть самых разных гвоздей от сотки до трёхсотки, задумчиво посмотрел на меня... И так же стоя боком к мишени, начал!

– А теперь сходи, посмотри.

М-дя... Из двадцати: два не воткнулись, пять попали в глаза, тринадцать просто и неза-тейливо торчали из «головы» силуэта.

– Плюс два! – улыбаюсь. Вроде мелочь, а приятно!

– Тьфу, ты! Как нянька с вами, даже потренироваться некогда... – по лицу было заметно, как сильно расстроился инструктор. – Ладно, приступайте, завтра ещё и на монетах тренироваться начнём... И где мои гвозди?

И бросать, бросать до изнеможения, пока руки не перестанут слушаться... Хотя, надо признать, методы у Рогожина действенные – уже на следующий день начинает что-то получаться! Вот только зачем? Зачем мне уметь бросать всякий мусор? Для этого есть привычные уже ножи, я ведь будущий диверсант, а не ниндзя!? На что, Рогожин дал исчерпывающий ответ: «За надом!».

Или рукопашный бой! Это что-то, с чем-то... Ни одного лишнего движения: всё просто и рационально, и в то же время – ни на что не похоже. Пепел, помешанный на различных единоборствах, утверждал, что это что-то новое или, возможно, хорошо забытое старое... Вроде,

как нечто подобное, существовало в тридцатых-сороковых годах прошлого века... По данной технике готовили зубров НКВД... На вопрос, откуда у него такая информация, он лишь загадочно улыбался и закатывал глаза...

Знаете, какой самый лучший стимул? Плохо стараетесь? В очередь! И по одному! Но это за счастье! Тут он хоть силы рассчитывает. А если толпой? А мы ведь не совсем дети и чтоб навесить таким бравым ребятам люлей – надо постараться. О-о-о! Мы как-то вчетвером: я, Балагур, Ванька и Андрюха-Пепел – смогли повалить его на землю, просто задавив массой, и разбили нос... О, какое это счастье! Но этот гад обломал всю радость! Вместо того чтоб погонять нас – он объявил выходной. И, счастливо улыбаясь, пояснил:

– Ну, наконец-то! Научились работать в команде! – и, вытирая бегущую кровь, продолжил: – Теперь отдыхайте, я доволен...

Нет, это что получается? Мы доставили ему удовольствие? Конечно, приятно было зарядить ему в нос, но результат?

А когда он учил стрелять с двух рук? Представляете, дал два ствола, и я, как дурак, тыкал им в сторону малейшего движения или звука... Несколько часов к ряду... Ох-хо-хох... Вспоминать тошно! Зато какой результат!!!

А вот мотать кроссы нас не заставляли. Нет, вы не подумайте, что мы не бегали. Бегали, но не кроссы. Как говорил Рогожин:

– Не будем тратить полезное время на ерунду!

И действительно, зачем? Если с утра до столовки – три километра, потом обратно. На полигон пять, там ещё неизвестно сколько! А если до леса? И вообще везде бегом! И зачем нам кроссы? Я вон «выпускную» двадцатку пробежал и даже не запыхался! Спасибо тебе, командир! От всех ребят – оставшихся в живых! Спасибо за науку!!!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошло три месяца, и начались выпускные экзамены. Кто-то удивится, чему можно научить за три месяца? Ну, допустим не три, а пять – не стоит забывать о первой учебке! Но и тут не всё просто! Как всегда в нашей армии и происходит: кому-то попала вожжа под хвост, и произошло следующее. Рогожина сняли с инструкторов и определили командовать нами, чему он был несказанно рад. Степаныча – старшего прапорщика Иванова, в замы, а всю группу, оставшихся десять человек, досрочно выпустить и на войну...

Пожалуй, уточню, чтоб избежать недопонимания. Совсем не скоро: через кровь пролитую вместе, боль от потери друзей и ожидание смерти, Степаныч всё же поведал нам историю того, как матёрый волкодав стал тренировать щенков...

Оказывается: командир был в свои двадцать девять лет, ни много, ни мало – разжалованным майором – спецназа ГРУ!

Получив внеочередное звание, новоиспечённый майор был назначен командиром пятёрки серьёзных профессионалов. Около года, группа Рогожина, выполняла самые разнообразные задачи и не только на территории нашей Родины – считаясь одной из лучших. Но вот однажды: поступило задание в режиме аврала... В общем-то, всё как всегда... Никаких разведанных, никакой ясности; пойдёшь и сделаешь! Стоит ли удивляться, что группа попала в качественно подготовленную засаду. В первые же минуты боя два бойца оказались ранены, один тяжело – в живот. Требовалась немедленная эвакуация и Рогожин принял решение отступить.

Вот только генерал, курировавший операцию, приказал выполнять задание и отказал в высылке транспорта. Почему он так поступил? Я не знаю. Может цель была настолько важная, что потери не имели значения, а может он просто тронувшийся умом самодур. Ну не знаю я, не знаю. Не могу даже представить, чем можно оправдать этого генерала.

А раненых было уже трое... Снайпер группы схватил пулю в левое плечо и раненый продолжал стрелять, прикрывая своих. Если бы не этот парень, погибли бы все!

Да и в штабе не все были согласны с таким решением. Полковник, непосредственный командир Рогожина, связался с «летунами» с личной просьбой... К счастью, среди пилотов нашлись «сорвиголовы» наплевавшие на приказ и вылетевшие спасать бойцов.

В это время группу обложили, и бойцам пришлось с боем пробиваться к новой точке эвакуации. Представляете ситуацию? Шесть человек: из них – трое раненых, один тяжело, двое средней тяжести... Но парни как-то вырвались... Спасибо летунам!

Вот только парня, раненного в живот, не довели, скончался в тот момент, когда вертолёт заходил на посадку! Если бы не потерянное время – возможно он остался бы жить... Другой раненый со временем вернулся в строй, а вот снайпер... Раненая рука почти не двигалась, парень стал инвалидом...

Расстроенный майор отправился к командиру пилотов вертолёта, чтоб лично поблагодарить за помощь... Его уже успели просветить, что тот нарушил приказ генерала! Зайдя в помещение, он увидел, как этот самый генерал грозитя отдать под трибунал летуна, за срыв важнейшей операции... Зная Рогожина не сложно догадаться о том, что произошло дальше.

По идее – для Рогожина, всё должно было закончиться весьма плачевно. Но! Вы много знаете майоров, которым не стукнул хотя бы тридцатник? И чтоб у него не было волосатой лапы где-то наверху? Я вот нет. Вот и у нашего будущего командира нашлись заступники... Тем более что генерал-то был из другого ведомства. И как это ни парадоксально звучит, его выгнали даже не в почётную отставку, а с жутким скандалом. Наверное, давно зуб точили.

А Рогожин отделался всего лишь разжалованием до старшего лейтенанта, и отправкой в спецшколу – передавать опыт. Здесь он и встретил бывшего сослуживца – Степаныча. Подозреваю, что потеря такого профессионала, как наш командир, не входила в планы высоких

чинов ГРУ, и его временно спрятали. А теперь почему-то достали? И нам доучиться не дали! Хотя конечно учёба не прекращалась никогда. Но в чём причина?

На Кавказе есть гора – самая высокая... Кажется, так было у классиков? Первый месяц на новом месте службы прошёл довольно спокойно: похаживали в рейды, но в основном занимались тем, что совершенствовали технику маскировки, пролеживая бока возле населённых пунктов и на перевалах. А в остальное время тренировались: оттачивая мастерство. О! У командира появилась новая блажь – фехтование. И не на привычных ножах, а тяжёлыми палками! Призванными имитировать: то меч, то саблю, то ещё что-то... Вот нафига козе баян? Правда, на этот раз командир снизошёл до объяснения:

– Вот вы мне скажите, сколько раз вы по пальцам палкой получили? А почему? Да потому, что с координацией у вас хреново! Фехтование же позволяет, кроме этого, развивать глазомер и учит не делать лишних движений, иначе устанете... И многое другое! Я вовсе не надеюсь сделать из вас фехтовальщиков, но польза будет! Потом ещё с шестами позанимаетесь, тоже полезно! И самое главное: чуть зевнул и палкой полбу – сразу научитесь не отвлекаться!

Вы знаете, через некоторое время мне даже понравилось... Да и многие парни занимались с удовольствием – это же, как в детстве! Ну, кто не бегал с деревянным мечом? Эх... Ещё бы с лука научиться стрелять...

Но вот, наконец, и неприятности – бандиты захватили в заложники журналистов. Правда, не наших, а американских. Приехали брать интервью у одного из лидеров боевиков – Аслана – борца за свободу, и сами её лишились. Как по мне, туда им и дорога. Но вот у начальства другое мнение. Иностранные граждане – ах-ах... И как назло, из спецтуры никого, кроме нас!

И плевать, что задача совсем не по профилю. С каких пор диверсанты спасают заложников? Маразм! Здесь же совсем другие навыки нужны. Нас учили сперва стрелять, потом смотреть в кого – иначе не выжить, а здесь заложники. Вот взорвать всех к чёртовой бабушке, выживших добить – это ладно, это как раз наше. А здесь Альфа нужна: там парни лихие, по натуре защитники – сами лягут, а заложников спасут. А мы, как бы даже с другой стороны: убийцы, хищники.

Ну да ладно, приказы не обсуждают, думать то можно всякое, а спасать «акул пера» придётся. Тем более, что никто и не сомневался в том, где их искать. Захватил журналистов кто? Аслан! Борец за свободу, как его называют эти самые американские журналисты! Где его запасная база мы уже знали: случайно наткнулись, во время поиска. Я там вместе с Тунгусом ползал, слушал, кто да что. Так и выяснили, кто Хозяин. Ждали только подходящего случая, и вот он, миг возмездия. Теперь никто на западе, не будет визжать о попрании прав человека беззаконными федералами! Ух, ещё бы и Аслан там оказался!

Вылетели на вертушке, высадились километров за десять до цели и экономной спецназовской рысью двинули вперёд. Что такое десять километров для спецназа – так, размяться. Бегом, шагом, бегом и мы на месте. А если по горам, по долам, то ещё и сдохнуть, воскреснуть, потом ещё разок помереть. И сначала, и так несколько раз. Эх, где родные сорок километров, да в полной выкладке, как в первой учебке? Зато вверх-вниз не надо.

Когда до объекта оставалось не более километра, остановились и стали ждать ушедшую вперёд разведку. Уже стало смеркаться и тут, наконец, вернулась неразлучная парочка – Саня и Ваня. Если помните, эти парни ненавидят друг друга. И вот теперь – эти два уха, пожалуй, лучшая боевая пара. Ведь ни один из них не мог допустить, что бы другой оказался круче. И наш командир, умнейший мужик, всегда ставил их вместе – трепаться не будут, всё внимание к делу.

- Товарищ старший лейтенант, там они!
- Кто они? Аслан? Или журналисты?
- Все, все там! – Санёк радостно кивал.
- Точно? Почём знаешь?

– Точняк, – Ваня покрутил шеей, так что послышался треск. – Этот ханурик в упор подползал, говорит, бабу вели со связанными руками.

– Ну, мало ли баб... – Рогожин разводит руками.

Сашка замотал головой:

– Точно говорю, она там чего-то по-английски пыталась этим втолковать.

– И что?

– Так боевик то нынче не грамотный пошёл – языков не понимает. Прямо как Ванька, – Саня радостно улыбался. – Толкнули прикладом и всё.

– Хм... Уверен, что по-английски?

– Да! Я не Егор, свободно болякать не могу, но мал-мала шарю. Точно по-английски.

Я заинтересовался:

– Что-то разобрал? Слова какие-то?

Саня степенно так кивнул и, изобразив на лице серьёзность, добавил:

– Ну, а как же... Фак ю!

– Тьфу на тебя, балаболка, – Рогожин махнул рукой. – Тебя о деле спрашивают...

– Да я о деле и говорю. Ну, кто ещё будет так несерьёзно ругаться? Наши-то бабы, как загнут – залюбуешься... И главное: Аслан там, его-то я своими глазами видел, бабу к нему подвели...

– Командир, – прапор пригладил свои шикарные усы, – да какая нам разница, там американцы или нет!? Аслан столько крови нашим выпил, что грех возможностью не воспользоваться...

Рогожин задумался. Затаив дыхание, ждёт его решения – порешить Аслана мечтали все. Когда ещё такая возможность будет? Его понять можно, приказ-то спасти журналистов. Вяжемся в бой, а их там нет... Как оно повернуться-то может, хрен его знает...

– Надо сделать так, чтоб ни одна сука на связь выйти не смогла, а у них спутниковые телефоны – да не у одного?

Все вздохнули с облегчением. Решение принято, вопрос в реализации.

– Дык. Тихонечко. Ночью. Ножичками...

– Окстись, Степаныч, кто резать то будет? Пацаны зелёные, сам знаешь, спящих резать – это...

– М-да, – прапорщик покивал головой, – не просто это... Если только Саня, он до ножа даже жадный.

– А чего Саня?! У меня вот рука не дрогнет, – ну это понятно Ванька.

– Молчи, сопля, рука у него не дрогнет. Видал я таких.

– Товарищ старший лейтенант, товарищ старший прапорщик, – я решил вставить свои пять копеек.

– О как... Ну скажи умное чего-нить... – прапор усмехнулся в усы.

– Давай Милославский, – разрешил Рогожин, усаживаясь поудобнее возле дерева. – Удиви.

– Да удивлять то нечем. Понятно, что мы ещё зелёные. Но я вот как вспомню, как эти суки наших пацанов резали, так руки чешутся. Мы не подведём! Правда, парни!?

Мужики одобрительно загудели. В общем, начальство сдалось, решено было брать в ножи.

Операцию проводили под утро, на самый сладкий сон. Часовых сняли, в яму, где держали заложников, заглядывать не стали. Вдруг не спят, шумнут ненароком. Разделились и вперёд. Не буду рассказывать, как и что... Но в живых остались только заложники. Тридцать два боевика и, самое приятное, Аслан. Хотя Аслан умер не сразу. Штаб то брали в последнюю очередь. И взяли его живым: очень товарищ прапорщик просили...

Заложники оказались теми, кто нам нужен. И вот с ними как раз и случился конфуз...

Журналистка рванула в один из домов, типа вещи у неё там. Заскочила в дом, а там сами понимаете – картина ещё та... Выскочила и давай блевать, а ведь кричали ей: «Стой!». Я вот даже по-английски.

– Что вы за звери? Разве так можно с людьми? – это она ещё тело Аслана не видела. – Вы же не люди – вы животные...

– Егор, чего она там лапочет? – Рогожин повернулся ко мне. – Переведи.

Перевожу, на что он кривится:

– Они её в яме держали, не мы...

– Ну, они негодяи, а вот мы маньяки...

– И что нам, по её мнению, надо было сделать?

– Говорит: арестовать, передать властям и судить...

– Она что, больная? Их почти в три раза больше было!

– Она говорит, что мы варвары и всё такое... Дура, в общем!

– А может мы не успели? Их уже того! – Рогожин почесал в затылке. – Не переводи.

– Да ясно. Юмор разумею. Да и мужики вроде нормальные, хоть и помятые, – киваю на ещё двух заложников мужеска полу.

Командир криво усмехнулся:

– Хрен с ними, уходить пора...

Легко сказать, уходить! Как тут уйдёшь, если ребята нашли склад с оружием и килограмм пятьдесят взрывчатки. К чему-то готовились сволочи... Решили рвануть, ну вот такие мы загадочные, ни себе не людям... Ну как ни себе, прибрахлились чуток: гранаток взяли и так по мелочи. Трофеи, однако. Ох-хо-хох... Знать бы заранее, чем нам этот фейерверк выльется...

Расскажу в общих чертах, сил нет вспоминать все эти подробности. Не знаю, откуда взялись «духи», может мимо шли, может к Аслану. Но на взрыв они среагировали. Первой жертвой стал Ваня. Не успели мы пройти и трёх километров, как ушедшие в головной дозор Саня и Ваня напоролась на засаду. Так вышло, что Иван первым увидел прицелившегося в Сашку «духа» и закрыл его собой. Саня открыл бешеный огонь и попёр врукопашную. Одного он застрелил, а двух...

– Береги себя, брат, не держи зла! – с уголка рта Вани стекала струйка крови, но глядя на коленопреклонённого Саню, он попытался улыбнуться.

– Зачем ты это сделал, зачем? Что доказать хотел? – Сашка наклонился над умирающим напарником. – Зачем?..

– Дурак ты, Саня, я за друга смерть принимаю! Это лучшее, что я сделал. Я тебя там ждать буду, – Ваня поднял замутнённый взгляд вверх. – Только ты не спеши, внуков вырасти. Обещаешь?

– Да! Сын будет, Ванькой назову.

– Спасибо дру...

Так погиб Иван. Закрыл собой человека, которого ненавидел. Умер с улыбкой на лице, осознавая, что спас ДРУГА!

Когда мы, прочесав близлежащие кусты и ошетинившись стволами подошли к месту скоротечного боя, Саня плакал над телом своего врага-друга. Посмотрев на нас глазами, полными слёз, произнёс:

– Он закрыл меня...

Мы молчали; слов не было. Наша первая потеря оглушила нас и только сейчас многие поняли, что война не игрушка – здесь теряют друзей! Мы стояли потерянные, не зная что делать. Пока не вмешался Степаныч:

– Хорошо погиб! – мы все разом повернулись, уставившись как на чумного. – Что смотрите, может, кто знает более достойную смерть, чем закрыть грудью боевого товарища? – Степаныч перекрестился. – Самопожертвование! Он теперь там, – тычок пальцем в небо, – вместе

с такими же героями. Гордитесь, что служили вместе с ним, а ты, Санёк, погибнуть теперь не имеешь права...

Соорудив носилки, положили тело Ивана и понесли. Скорость продвижения упала. В начале нас тормозили гражданские: и так не великие ходоки, а тут ещё плен, плохая кормёжка, усталость. Теперь добавилась необходимость нести тело. Оставить его мы не могли, ведь если его найдут раньше, чем мы вернёмся, даже представить страшно, что сделают с ним...

Так мы и шли, пока боковой дозор не обнаружил врага. Завязался бой. Вот откуда столько их взялось, как прорвало! Ну, точно, что-то готовилось. Прижали нас по взрослому, с гражданскими не оторваться. Воевать? Никаких патронов не хватит. Их почти сотня, а нас одиннадцать: три гражданских, и тело нашего товарища. Саня предложил остаться задержать, но Рогожин на корню зарезал инициативу. Это понятно. Эмоции в таком деле первый враг – сгинет зазря.

– Товарищ старший лейтенант, позвольте мне остаться!

– Милославский, ты что, с дуба рухнул?

– Никак нет! Командир, вы мне пару рожков ещё подкиньте и гранаток побольше. Смотрите, место какое: не обойти, не объехать – только в лоб! Вы же знаете меня, если надо, днём с огнём искать придётся. Я постреляю, побегаю, растяжек наставлю. Замедлятся, никуда не денутся. А я потом схоронюсь. Хрен найдут.

– Ой, сладко поёшь, сержант! – Рогожин вытер рукавом лицо. – Только это ведь не игра, где можно переиграть. Жизнь она одна, брат. Сгинешь – за понюшку табаку.

– Всех ведь положат, а мне сорок минут продержаться, а там вертушки придут. Ну а погибну, хоть за дело. От пули оно почётней, чем от передоза.

– Какого, на хрен, передоза? Ты чего, сержант, перегрелся?

Меня охватила весёлая ярость. Я приблизился вплотную к лицу Рогожина:

– Я – мажор, командир, папенькин сынок, вся моя жизнь – сплошное паскудство. Я только здесь человеком себя почувствовал, рядом с этими парнями. И если сдохну, чтоб они жили, значит так надо. Но я выживу, назло всем выживу, – я рванул душащий меня ворот «комка».

– Чего ж ты не при штабе-то служишь? – и ехидно так: – Мажор.

– Сперва по глупости, а потом назло отцу, но я не жалею...

– Ладно! Но с тобой останется Тунгус, его тоже днём с огнём...

Когда группа собралась уходить, я окликнул Рогожина:

– Если не выживу, напишите отцу, что я умер... Достоинно.

Кивает мне:

– Твой отец может гордиться тобой! Только не мастак я писать. Ты уж уважь командира, выживи...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

– Удачи, мужики! – старший лейтенант Рогожин крепко пожал нам с Тунгусом руки. – До свидания!

Последние слова сказаны, и мы смотрим в спину уходящих ребят. Парни оглядываются; в глазах сожаление. Ведь каждый из них рвался остаться здесь, но не судьба. Ибо шанс задержать бандитов и остаться в живых – есть только у меня и моего напарника. Хотя нет! Командир! Вот он бы смог, но его обязанность увести группу и заложников. Тяжело мужику. Оставить двух своих «любимчиков» практически на верную смерть... Да уж, «любимчики»! Ибо то, что было нормально для всех, для меня и Тунгуса было плохо! И пахали мы больше и бил нас больше, а всё потому, что мы особенные. Не такие как все – у нас есть дар. У командира, кстати, тоже... Но нам до него ещё далеко! Как новорождённому щенку до матёрого волкодава!

Всё-таки удачное здесь место: ни справа, ни слева нас не обойти. Точнее обойти-то можно, но на это уйдёт много времени, так что – только в лоб. Метрах в пяти позади меня, за камнями, залёг Тунгус. Пусть здесь и не слишком крутой подъём, но всё же... Приникнув к оптике СВД, сосредоточенно отстреливает неосторожных... Отлично! Прижимая к плечу пулемётный приклад, стреляю: короткими, злыми очередями. Главное, выиграть время – сколько можно и дать парням шанс оторваться. Сколько же вас? Получите, твари! Сдохните!!!

Ванькин пулемёт снимал кровавую жатву, мстя за своего погибшего хозяина. Снайперка Тунгуса не отставала в этом кровавом пире... Мы держались... Потом, мой напарник отошёл назад и начал ставить растяжки. Закончилась последняя пулемётная лента... Пора! Постреливая короткими очередями из автомата, отхожу назад, прикрываемый вернувшимся Тунгусом. Отступаем вдвоём: мой напарник закинув за спину СВД стреляет из «калаша». Не забывая подсказывать, как идти. Не зная где... можно подорваться и раньше времени отправиться к предкам.

Ага! Вот и первая растяжка «сработала»: после взрыва слышатся маты и стоны. Хорошо! Теперь замедлятся. Обязательно!

Растяжки позволили нам оторваться, а мы лепили новые. Где попало и как попало. А ведь у нас с собой не так много гранат – всего двадцать штук... Кто сказал: что натянутый кусок проволоки не нанесёт врагу урон? А остановиться, обезвредить, поматериться. Как понять: где обманка, а где настоящая растяжка? Пока не проверишь – никак! Вот и ползут, теряя время и нервы. А ведь растяжки срабатывают, мы же мастера своего дела, появляются убитые и главное раненные. Ведь раненый – это груз и психологическое давление. Его надо перевязать, а ещё он кричит и стонет... При погоне: желательно не убивать, а ранить...

Вот ведь беда: Тунгуса зацепила шальная пуля, а он пёр как танк и продолжал минировать. Когда же ноги стали заплетаться и он упал, то потребовал чтоб я его оставил, а сам ушёл. Вот дурак... Десант своих не бросает! Лучше сдохнуть!

Кое-как перебинтовав рану под правой лопаткой, взвалил снайпера на себя и пошёл. А он всё скулил и требовал его оставить, мол, он врага задержит. Ну что за идиотизм? Какой враг? В том лабиринте проволоки, который мы оставили позади, сам чёрт ногу сломит. А ведь там, не только проволока, но есть и проволока с гранатами, так что, хрен они нас догонят...

Я пёр вперёд, твердя как заклинание:

– Скоро придём, держись, брат. Ребята нас не бросят, а там больничка, тебя подлатают, медальку какую-нибудь дадут. Будешь сестричкам хвастать, главное держись, брат.

Не знаю, сколько я прошёл со своим грузом? Ребята потом чего-то прикидывали и решили, что не менее трёх километров. После того, как по бандитам отработали «летуны», тем, кто выжил, было не до нас. Наши парни закинули журналюг в вертушки и ломанулись за нами. То, что мы не разминулись, было маленьким чудом.

Нас нашли через два часа. Сняли с меня тело, да тело, ибо Тунгус был мёртв. Мёртв давно, и нёс я, и разговаривал – уже с неживым человеком. Я выл, бил кулаками землю:

– Я должен был успеть, должен... – я ненавидел себя: за то, что слабак, за то, что еле переставлял ноги, за то, что падал.

– Егор, ты не мог успеть! Даже, если бы его сразу погрузили в вертушку – не довезли бы. Без вариантов. Насмотрелся я, – Рогожин тяжело вздохнул, присаживаясь на землю рядом со мной. – Если сразу на операционный стол, тогда да, а так без вариантов.

– Командир, а как его звали? – какое-то спокойствие напало на меня. Всё! Кончилась истерика.

– В смысле? – на его лице было удивление.

– Ну, Тунгус – это ведь не имя. А, по-другому, как то и не знаем.

– Антон, его звали Антон.

Потом было возвращение на базу. Я угодил в госпиталь, на неделю, оказывается, был ранен – в руку. По касательной, почти царапина, но эскулапы залютовали и заперли меня. Подозреваю, не обошлось без отцов командиров, да и верно, крыша у меня подтекала конкретно, ещё завалил бы какого – «бородатого». А так хоть успокоился немного. Но вот жалость во мне умерла. Совсем.

Забирая меня от эскулапов на стареньком, выдавшем виды уазике, старший лейтенант Рогожин пытался выяснить моё душевное состояние:

– Как себя чувствуешь, Егор? – рулит, время от времени, посматривая на меня.

– Да нормально, товарищ старший лейтенант! – вздыхаю. – Я сразу себя чувствовал нормально. Рана-то тьфу, кусок кожи содрало!

– С мясом, Егор, с мясом!

– Ой, да сколько там этого мяса-то было? – и тут решаюсь. – Это ведь вы меня в больницу законопатили?

– Так, сержант, что за базары? Ты был ранен, вот и лечился!..

– Товарищ старший лейтенант, ну что вы меня за дурака-то держите? Что я не понимаю... Вы боялись, что я кого-нибудь шлёпну?

Молчит, смотрит на дорогу, потом повернувшись ко мне говорит:

– А ты уверен, что не стрельнул бы какого-нибудь, – крутит в воздухе пальцем, – скажем так «не русского».

Вздыхаю и, отвернувшись к окну, признаюсь:

– Нет, не уверен! Когда Тунгус погиб... я, наверное, не сдержался бы. Увидел бы какую-нибудь бородатую харю... или пристрелил бы, или зарезал...

– Вот! А ты говоришь! – и потеплевшим голосом. – Я понимаю тебя... но ты солдат, Егор... и дай бог, чтоб это была последняя потеря! Но надеяться на это не стоит... Знаешь, сколько у меня было таких потерь? Только я командир и не могу раскисать, потому что, на мне ответственность за тех, кто жив! – молчит, смотрит на дорогу и молчит, думая о своём.

– Говорят... потом привыкаешь, становишься равнодушной?

– Нет! Каждый раз как в первый... Каждого помню... – лицо командира меняется и из уголка глаза бежит слеза. – Нельзя привыкнуть к смерти... своих ребят! Может, это про врагов сказано? Тут заморачиваться не надо... Сделал работу и пошёл себе дальше...

Сморгнув слезу, какое-то время молчит:

– Ты как? Не пристрелишь кого-нибудь? – с надеждой смотрит на меня.

– Всё нормально, командир, не подведу... Переболел, смирился, теперь не кинусь... Но и жалости во мне не осталось... Я не подведу! – и, помолчав, добавляю: – На мне ведь ответственность за ребят, что живы...

Рогожин улыбается:

– А как парни тебя ждут! Барана у местных выменяли, шашлык маринуют... Помнишь коньяк, который вы с Тунгусом спёрли у начштаба?

– Помню! – непроизвольно губы расплзаются в улыбке. – Мы тогда решили вам свою крутость показать! Ну, Тунгус и предложил...

– Тунгус? А я думал твоя идея!

– Нет, Тунгуса! Очень он хотел вас удивить, вы же для него как бог были...

Оплётка на руле жалобно заскрипела, когда командир стиснул побелевшими, от напряжения, руками руль.

– Я знаю... – и, помолчав, вдруг грустно улыбнулся, – она у меня до сих пор лежит. На дембель вам подарить хотел... Теперь помянем Ваньку и Антона...

Тихий, весенний вечер: горит костёр, тлеют угли в мангале, разносится дразнящий аромат томящегося над углями мяса... Ребята: сидят вокруг костра, старший прапорщик Иванов: колдует возле мангала. Рогожин разлил по стаканам бутылку коньяка. Вышло совсем по чуть-чуть, что такое пол литра на десять человек... Встал и, прокашлявшись, начал:

– Все знают происхождение этой бутылки? – парни грустно улыбаются, конечно, эту историю знают все. Ведь нашу добычу рубали всем коллективом! Командир качает головой: – Эх, не так она должна была быть распита... – и, поперхнувшись, севшим голосом продолжил: – Егор, Саня, может вы скажите?

– А можно я спою? – неожиданно предложил Саня. – Песня тут родилась...

– Я не против, песня это хорошо...

Сашке подали гитару, проведя пальцем по струнам, он начал:

– Простите если не слишком складно – уж как смог...

У могильной плиты, на потёртой скамье,
Грустный парень сидит и вздыхает.
Он почти что седой, хоть и сам молодой
Слёзы скорби с лица вытирает.
Что ты плачешь пацан молодой,
Или кто-то близкий, родной под могильной землёй?
Мать любимая или отец,
Дорогая сестра или брат-сорванец?
Да! Ответил боец молодой,
Близкий, родной человек под холодной землёй.
Я его никогда не любил,
Он и в детстве всегда меня бил,
Но пришлось нам вместе служить,
На не нужной войне рядом быть.
Он и здесь меня задирает,
А потом между мною и смертью он встал.
В этот проклятый день, в бой мы рядом пошли,
Автоматы в руках, тяжкий груз на душе.
Грохот взрывов и посвисты пуль,
Это наша судьба и с неё не свернуть.
Грохот взрывов и посвисты пуль,
Это наша судьба и с неё не свернуть.
Сквозь прицел меня враг отыскал,
И свинцовую смерть в грудь мне послал.
Он увидел её и собой заслонил,
Жертву крови за жизнь заплатил.

Он увидел её и собой заслонил,
Жертву крови за жизнь заплатил.
У меня на руках умирал,
Лишь одно я ему повторял:
Я тебя никогда не любил.
Помнишь в детстве всегда меня бил?
Но пришлось нам вместе служить,
На не нужной войне рядом быть.
Ты и здесь меня задирали,
А теперь между мною и смертью ты встал.
Ты и здесь меня задирали,
А теперь между мною и смертью ты встал.

Голос становится тише и с последним аккордом замолкает. Проведя последний раз по струнам, Саня упирается лбом в гитару и молчит. А может тихонько плачет? Не знаю... Я вытер набежавшие слёзы и посмотрел по сторонам... Кому соринка в глаз попала, кто что-то рассматривает на земле, низко опустив голову...

***

В огромном, шикарно обставленном кабинете, развалившись в удобнейшем кресле, сидел импозантный мужчина с бокалом дорогого коньяка в руке. Внешне довольно сложно определить его возраст, но навскидку не более сорока. Просто привычка следить за собой, позволяет поддерживать прекрасную физическую форму. Отхлебнув маленький глоточек, он обратился к своему другу и по совместительству начальнику СБ. Пётр Олегович Битаров сидел в кресле напротив и с задумчивым видом дегустировал коньяк.

– Письмо пришло от нашего обормота, – слегка улыбаясь, произнёс Анатолий Анатольевич Милославский.

– Да ты что? Когда? Толя, ты чего молчал? И вообще, почему я не в курсе? – встрепнулся тот.

– А оно два дня назад пришло, ты тогда ещё в Питере по девкам бегал, – смеётся хозяин кабинета.

– Да ну тебя! Ты же знаешь, что я вопросы решал. Что пишет хоть?

– Ты понимаешь, Петя, ничего нового. Скучно ему, видишь ли, – улыбается Милославский.

– А тебе не скучно? – ехидно вопрошает человек, по сути, являющийся вторым отцом парня о котором идёт речь. Не имея своих детей, мужчина перекинул всю нерастрченную любовь и нежность на сына своего единственного друга, а в прошлом и командира. Судьбы этих трёх людей были настолько плотно переплетены, что они стали одной семьёй.

– Скучно, – кивает Анатолий Анатольевич. – Но знаешь, стало спокойней... Там-то намного меньше шансов, что его убьют... Ведь постоянно от охраны сбегал, гадёныш.

– Да уж... Это как мне пришлось постараться, чтоб его подставить, – Пётр Олегович качает головой, – но ребята сделали всё убедительно.

– Это да. Ты им премию выписал, надеюсь?

– Конечно. Ведь если бы не артистизм моих агентов, хрен бы мы Егорку в армию спихнули. Свалил бы куда-нибудь. Пока бы нашли... а он бы опять. Да хоть с поезда прыгнул, ты ведь его знаешь, упёртый как ты!

– Да-а-а... Аж стыдно немного, такие глаза у него были... Как у побитой собаки, – отец тяжело вздохнул. – Ерепенился, но вину чувствовал... Вот и поехал. Ну да ничего, потом повинюсь, главное, что его никто не достанет. А точно не найдут? – неожиданно заволновался он.

– Точно, точно. Всё схвачено. По документам его отправили в тайгу, но по дороге к нему наш человек подошёл, должен был голубым беретом поманить. Сам понимаешь, уж кто-кто,

а твой сын всяко повёлся бы. Но наш парень как всегда отличился и успел напиться на пересильном.

В этот момент Милославский неодобрительно покачал головой, но только тяжело вздохнул, промолчав: горбатого только могила исправит. Тьфу-тьфу.

– Так вот напился и наблевал там на майора, – продолжил рассказ начальник СБ, – сам понимаешь, дело стало ещё проще. А там учебка, которую курирует ГРУ. И адрес у неё липовый, всё как всегда, через седьмое колено коридором. Заодно и дисциплине парня подучат, да и драться наконец-то тоже. А то грех сказать, мужик, а боится, что фейс подпортят... – мужчины весело засмеялись.

– Так погоди, а его от туда точно ни в какую «горячую точку не пошлют», – вновь заволновался отец.

– Прикалываешься? Он пять языков на отлично знает, ещё несколько понимает. Никогда не поверю, чтоб ГРУшники его дальше штаба пустили. Вот ты бы что сделал?

– Я? Хм... Посадил бы на переводы пока срочник, а потом попытался бы на контракт развести. Короче сидел бы в секретке... Но такого ценного кадра близко бы к оружию не пустил, задабривая по-всякому и обещая золотые горы.

– Вот и я о том, товарищ полковник, – заулыбался Пётр Олегович. – Но самое главное дисциплина там ого-го! Не таких обламывали. А то наш парень точно бы что-нибудь отмочил, и никаких денег не хватило бы отмазать.

– Да понятно это всё. Всё же докатиться до такого идиотизма, чтоб забивать электронным микроскопом гвозди, надо постараться... Но ты же сам понимаешь, беспокоюсь я. Хотя умом понимаю, а беспокоюсь... Не приспособлен Егорка к такой жизни, избаловали мы его. И ты в том числе...

Битаров сокрушённо развёл руками. Вроде как: виноват, а что делать? По сути: мужчины вечно занятые делами, не могли уделять много времени воспитанию. Вот и упустили парня. А наказать по-настоящему рука не поднималась, ведь Егор так похож на маму... Которую оба безумно любили, один как жену и женщину, а второй как старшую сестру, которой у него никогда не было. Оба детдомовские, воспитывавшиеся вместе, только Анатолий старше на шесть лет. Так уж вышло, что все функции старшего брата выполнял он, защищал и оберегал. Вначале не давая в обиду малыша, потом в школе и наконец, поспособствовал тому, что уйдя в армию, Пётр попал в его группу, так что обычную срочную он не служил, попав сразу же в цепкие лапы ГРУ. К тому времени двадцати четырёх летний Анатолий, замеченный спецслужбами ещё в институте и переведённый с третьего курса в спецшколу, был уже старшим лейтенантом. Имел орден Красной Звезды и беременную жену, которая и заняла место старшей сестры в преданном сердце Петра. И как бы это странно не было, но воспринимать эту очень красивую женщину по другому, иначе, чем сестру, он не мог.

Но вот в девяносто втором году, когда Егору исполнилось семь лет, мужчины находящиеся в командировке получили сообщение, что Елизавета похищена вместе с сыном. Для её спасения требовалась самая малость... Предать Родину...

То, чего полковник Милославский и капитан Битаров сделать не могли. Ибо майор Милославская никогда бы не простила их за это, да и поверить в то что заложников оставят в живых было трудно. Поэтому в течении двух дней был насмерть запытан один высокопоставленный чиновник и помножено на ноль ещё некоторое количество чинуш и бандитов рангом помельче. Но место где держали заложников, было найдено. Милославский всегда умел окружить себя преданными людьми.

Это был загородный дом одного из партийных бонз, уже во всю приступившему к распилу... И всё бы было хорошо, куда каким-то там бандитам против настоящих профи... Но вот кто-то их слил. И бойцов спецназа встретил шквальный огонь... А потом когда стало ясно, что профи всё же дают превосходящих им числом противников, прозвучал взрыв...

Надо ли описывать, что испытывали в тот момент друзья, потерявшие всё, что им было дорого? И кто его знает, как повернулась бы их судьба и что они сделали, если бы не Сашка Развозжаев.

– Товарищ полковник, там один живой. Грохнуть хотел суку, а он говорит, что знает, где малец!

– Что? – равнодушно спросил Анатолий, не осознавая, что происходит.

– Я говорю, нет здесь Егора, вчера увезли. Подстраховаться решили, в лесу он в сто-рожке...

Тело Лизы нашли в подвале дома, обгоревшее до неузнаваемости. Только по часикам и браслету, с серёжками и смогли опознать. А Егор? Что Егор? Конечно же, освободили, что такое четыре охранника против злых как черти спецов? Да ничего.

А вскоре Анатолий и Пётр покинули службу, не желая служить новой власти. Однако имея прочные связи и преданных людей – очень быстро, заняли высокое положение в новом мире...

Вынырнув из болезненных воспоминаний, Пётр Олегович глотнув коньяка с тоской произнёс:

– Да понятное дело, пороть надо было... Но как посмотрю в его глаза, так Лизу вижу...

– Да, Петруха, не сберегли мы...

Мужчины замолчали, грустно глядя друг на друга, потом синхронно допив остатки коньяка, посидели немного, и вновь наполнив бокалы, продолжили свой разговор.

– Нет. Правильно мы поступили, Петя. Это же охренеть можно, пока Егора нет уже два покушения!

– Три.

– Что три?

– Три покушения.

– А я, почему не в курсе, – удивился Милославский.

– Теперь в курсе. Мои парни не зря твой хлеб трескают, как раз пока я в Питере был, взяли на подготовку... Сейчас в подвале прессуют, кто и чего...

– Думаешь, узнают?

– Сомневаюсь. Да и что могут знать эти шестёрки?

– Премии ребятам не забудь!

– Да уж как водится...

Вновь помолчали, раздумывая о превратностях судьбы.

– Что психологи говорят? – задал очередной вопрос хозяин кабинета.

– Всё по-старому. Говорят, что письма пишет вполне спокойный и уравновешенный человек, может слегка уставший и неудовлетворённый, но для солдата это нормально. Прикинь, уравновешенный!? Это Егор то? Нет. Однозначно, армия ему на пользу идёт! Конечно, если в письмах прорежется паника, а она прорежется, если ему будет светить что-то опасное. Тогда конечно озаботимся. Ты же знаешь своего сына? Признай, трусоват он...

– Что есть, то есть, – соглашается отец. – Ещё есть, какая информация?

– Да вроде ничего такого. Конверты по всем признакам вскрывают. В тексте никаких подробностей, все признаки секретной части. Если и не на бумагах, как пишет, то точно охраняет объект какой-нибудь. Тут ведь самое приятное, что Егор не там где по документам... А возле той части, где он якобы служит, наши ребята пасутся. Ну, да ты в курсе, что двоих уже взяли...

– Да. Ты говорил. И тоже глухо?

– Глухо. Под репортёров маскировались, типа за экологию борются.

– Угу... И что?

– Они в округе шастали, подходы искали... Причём репортёрами они оказались самыми настоящими. Вот мы их и отпустили, мало ли, вдруг заказчики прорежутся? Но пока глухо... Но польза несомненная есть!

– В том, что наши «доброжелатели» уверены, что Егор там?

– Да! Заметь письма то тоже через эту часть идут, я потому эту учебку и выбрал.

– Эхе-хех... Жаль, что нельзя узнать, что и где Егорка... Мигом спалимся. Стоп, а он случайно не в этой части? А то может, мы сами себя перехитрили?

– Да нет, – засмеялся начальник СБ. – Я же из дома звоню регулярно в часть, там Серёга Ремизов рулит, ну да ты ж его знаешь! И хоть линия защищённая, он по честному рассказывает, как там Егор служит...

Мужчины довольно засмеялись. А что? Егор в безопасности. Враги в неведении, а уж найти и разобраться с ними дело времени.

– Я вот что думаю, – Милославский потёр подбородок и задумчиво поинтересовался: – А если Егор действительно контракт подпишет?

– И что? Для тебя это проблема?

– Смеёшься? Мне контора должна как земля колхозу, сына уж точно вернут, – засмеялся бывший полковник ГРУ. – Но вот если он сам захочет? Что тогда делать будем?

– Хм... Толь, а может по мере поступления? В конце концов, это будет поступок! Чего я от твоего сына ну никак не ожидаю. Мне кажется, он дни считает до дембеля. Там ведь баб нету, а это такой аргумент, что никакие золотые горы не перевесят. Да и какие там могут быть горы? Он за вечер на баб может спустить больше, чем иной генерал за месяц зашибает...

– Ну, давай выпьем, – улыбающийся Милославский поднял бокал. – За то чтоб два года быстрее пролетели, и мы наконец-то, нашли того, кто так сильно хочет умереть!

ГЛАВА ПЯТАЯ

А у меня появилось «погоняло». Сам виноват: ведь наш разговор с Рогожиным, тогда – во время боя, кто-то из парней «подслушал». И я стал Мажором. Хотя почему бы и нет, как это ни странно, но негативного окраса здесь не присутствует. Даже оттенок некоторого уважения: я здесь – с ними... Так что пусть будет!

Ведь я уже никогда не стану прежним и не смогу смотреть на жизнь так же, как раньше. Как там поётся в песне? «И мы убивали, и нас убивали...» Все! Мы все изменились: уйдя на это проклятое задание мальчишками – вернулись солдатами... переступив невидимую черту. Убивая спящих бандитов и теряя боевых товарищей сложно воспринимать мир, как раньше. А так же стали палачами: запытав насмерть Аслана. Именно палачами, а не убийцами. Ибо это была кара! Заслуженная кара!

И теперь никто не назовёт нас «зелёными». И самое главное: что никто не струсил и не смалодушничал. Вот и офицеры бригады ВДВ, к которой мы были приписаны, посматривали в нашу сторону с толикой уважения. И работа стала более серьёзной, мы больше не страдали ерундой, а занимались настоящим «поиском». Сутками шерстили леса в поисках боевиков и находили... Устраивали засады, но в основном тихонько вырезали спящих или наводили на бандитов более крупные силы, если их было слишком много. Но такое было только пару раз.

А со мной стали происходить странные вещи. Например: идя по тропе, я замер, от странного ощущения. Налетевший на меня Санёк зашипел:

– Ты чего замер? Так и убиться недолго!

– Не знаю, Сань. Странное ощущение... – приседаю к земле. В шаге от меня, в лучах заходящего солнца, блеснула проволока. – Растяжка! Мать её!

Обезвредив одну, я таким же образом, почувствовал ещё две. Где-то рядом враг! Мои ожидания не обманули. Дозор бандитов мы заметили раньше, чем они нас – двигались-то почти ползком.

Отправив Саню назад к командиру, не трогая дозор, тихонько пополз на разведку. Контрабандисты! Скорее всего, наркотики, хотя, кажется, оружие тоже везут.

Рогожин решил действовать по отработанной схеме: дожидаться пока уснут и в ножи. А что? Арестовывать их что ли? Помню: командир, как-то сказал, что уважать себя перестанет, если начнёт надевать на мразей наручники. Да и кто нас упрекнёт? Кончим этих, наркоту сожжём, оружие взорвём или, в крайнем случае, закопаем... Всё равно, не за деньги работаем – за идею. Свою идею – убить как можно больше бандитов. Тогда у них не будет шанса: отмазаться и вернуться... А для того чтоб показать, что мы работаем, хватит и тех, кого расстреливаем из засад...

Окружив стоянку, сняли часовых, не единым звуком не выдав себя – начали! Страшен спецназ в своей слаженной работе... Бесшумные тени метнулись в ночи, раз и девять человек отправились на тот свет!

– Твою мать! Ты что, охренел? – недовольный командир, сурово нахмурившись, смотрит на Саню. Тот же, как нашкодивший котёнок, опустив голову, молчит. – Я жду объяснений!

– Виноват!

– Это я и без тебя вижу! Может, тебя тоже на недельку в госпиталь: нервы подлечить?

– Но я ведь не раненый!

– А я тебе сейчас в нос дам и будешь раненый! Ты сколько раз в этого ублюдка нож воткнул?

– Не знаю, – Санёк всё ниже опускал голову, чувствуя свою вину.

– Посчитай.

– Может не надо? – без всякой надежды интересуется Сашка.

– Считай! – командир не умалим.

Тяжело вздохнув, подходит к окровавленному труп, пытается посчитать нанесённые им же ножевые ранения. Но в том месиве, что представляет из себя грудь и живот жертвы, трудно что-то разобрать. По крайней мере, в свете луны точно. Вынув нож, разрезает одежду и считает:

– Двенадцать.

– А должно быть?

– Одно.

– О как! – Рогожин качает головой. – И откуда остальные?

– Виноват. Такого больше не повторится!

– Конечно. Если повторится, я тебя комисую...

– Командир!

– Заткнись! Мне психи не нужны...

Чуть позже, когда мы уже закончили все дела и, покинув место расправы, устраивались на ночь – командир сказал мне:

– Смотри за ним! Парень на грани: или справится, или с катушек слетит, а отвечать мне! Ты ведь не хочешь, чтоб мне прилетело?

– Нет, конечно!

– Вот и хорошо!

– Командир, да что такого случилось? Он же его сразу убил, нам бы это не повредило. Пусть пар спустит!

– Дурак! Он должен выполнять работу, пусть грязную, но работу. А не творить свою личную месть. Что будет, если он привыкнет спускать пар именно так? А? Ты об этом подумал? Это путь вниз, Егор, вниз! Видел я такое, – проводит рукой по лицу сверху вниз, а в глазах боль, – один хороший парень вот так же зверел понемногу... Получил приказ «в расход» и вместо того чтоб, ударить фашиста в сердце, в живот несколько раз... Я тогда не придал значения, не одёрнул... – Рогожин прикрыл глаза, вспоминая что-то... Потом, покачив головой, продолжил: – А закончилось всё тем, что он вырезал целую семью! Так что смотри, Егор, смотри. Сашка уважает тебя, помоги ему, у вас общая беда, а это сближает... Я тоже постараюсь! Вместе спасём парня...

– А может правда: комиссовать! – слегка сбитый с толку эмоциональной речью командира, брякнул я.

– Нельзя! Просто поверь мне... А вот если справится, как ты, тогда можно... Но уже не надо будет! Так что? Присмотришь?

– Да!

Не скажу, что за Сашкой пришлось сильно присматривать, похоже, терапия «доктора Рогожина» помогла. Видимо, посмотрев на дело рук своих, он что-то понял... Но сдружались мы крепко, действительно, общая боль сближает... Он даже на новеньких перестал смотреть волком. Что? Я не сказал, что у нас появились новички? Действительно! Ну что ж, будем исправляться!

Новеньких звали: Олег и Пётр, и появились они весьма неожиданно – через неделю после того как меня выпустили из госпиталя.

Как я понял, они поймали Рогожина где-то по пути из столовки в нашу казарму. Тоже верно! Сытый офицер завсегда добрее голодного. И начали уговаривать: взять их в нашу команду. Командир очень вежливо послал их... зато подробно! Только парни оказались настырными, и на третий день, Рогожин по доброму (сытый ведь) дал им по разу в пузо, и пошёл дальше. На четвёртый день всё повторилось и на пятый, а вот на шестой командир сдался:

– Ну ладно, хрен с вами! Показывайте свои таланты! Но учтите, у вас одна попытка! Докажите, что можете быть полезны – возьму...

Проводить же показательные выступления привёл к нам, чтоб присмотрелись... Для начала: Олег согнул лом!!! Вот это силища! Рогожин сказал: «Молодец». И разогнул железяку. Офигеть! Потом Олежка начал стрелять из пулемёта, и тут командир растаял...

А вот Пьеро?! Хм... Оказался студентом медиком: взял академ и рванул в армию. И когда он сказал, что может зашить и даже пулю достать... Командир наотрез отказался его брать! Дескать, не его это дело людей убивать! Вот только...

– Товарищ старший лейтенант, убьют меня бандиты или нет – неизвестно, а вы точно покалечите!

– Я? – если сказать, что Рогожин удивился, значит промолчать.

– Вы! Если каждый день получать под дых, то рано или поздно вы что-нибудь мне отобьёте! – абсолютно серьёзно заявил Петька.

– Тьфу ты! Ну, зачем тебе это надо? Ты же будущий врач! Я вообще не понимаю, как ты здесь оказался!? Ты людей лечить должен! Иди отсюда, а то твоему командиру пожалуюсь, из нарядов не вылезешь!

– Не пожалуетесь!

– Почему это?

– Из-за них, – кивает в нашу сторону, – мы про вас узнавали: вы на всё готовы ради своих парней, а значит, не откажетесь дать лишний шанс выжить...

– Я тебя ненавижу!

– Значит берёте?

– При условии, что вы, два придурка, внятно объясните, зачем вам это нужно. Если соврётё, вам здесь не место!

– Мужики, вы лучше не врите, – Балагур, как всегда, в своём репертуаре, – и давайте с подробностями...

– Быстров! Ты меня достал!

– Виноват!

– А ладно, – и уже новичкам: – Давайте, колитесь!

М-дя... Ничего в этом мире не меняется... Все глупости, которые совершают мужики, из-за женщин. Хотя и подвиги в основном тоже. Короче: Олег и Петька – два друга. Вместе с самого детства: ходили в один садик, учились в одной школе. Вот только в институты разные поступили. Петька мечтал стать врачом, а Олег любил возиться с железом, кстати, в свободное время подрабатывал кузнецом, за что и получил погоняло – Молот.

Тут и начинается самое интересное, на одной из студенческих вечеринок парни познакомились с девушкой – Надей. И оба втрескались в неё по уши. Но как настоящие друзья ссориться не стали, а справедливо решили предоставить выбор ей. Вот только выбор сделать оказалось не просто. Оба высокие, крепкие и симпатичные парни, из приличных семей. Вот и мыкались втроём. В конце концов, ребятам это надоело, и они предложили сделать выбор...

И вот тут-то Надя и поведала им, что любит обоих и никак не может решить, кого больше! Но одно она знает точно: её избранник должен быть настоящим мужчиной, Героем с большой буквы! Ну, там ребёнка из проруби вынуть или из пожара кого спасти... Может я и утрирую, но уверен, что не намного! Иначе, зачем эти два пентюха пошли служить в армию? Естественно в ВДВ, ну где ещё самые настоящие мужчины (вот тут спорить не буду). Теперь понятно, зачем они к нам рвутся. Тут или голову сложишь, или медаль какую-нибудь точно дадут. Ну, надеюсь. Я бы тоже не отказался вернуться домой и показать отцу...

Рогожин долго плевался, матерился и грозил карами, если кто-нибудь вылезет вперёд без разрешения... Короче взял!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А со мной продолжали происходить разные странности, вовсе не закончившиеся тем, что я начал ощущать опасность. Причём, с каждым днём всё лучше и лучше... А тут ещё и это!

– Бойцы! У нас нарисовалась задница! – старший лейтенант Рогожин прохаживался вдоль строя.

– Командир, она хоть симпатичная? А то кругом только страшные и волосатые... – Вовка-Балагур, как обычно, внёс свои пять копеек.

– Быстров! Опять ты! – Рогожин тяжело вздохнул. – Опять шутишь, и снова не смешно! Ну, ничего, вернёмся, на кухне будешь шутить... два раза. Ясно!

– Так точно!

– Вот видишь, мои шутки куда смешней, – обводит взглядом строй. – Как думаете парни?

– Сто пудово командир... Ещё бы... Смешней не бывает... Хотя пару дней отдохнём... – в голос согласились мы.

– Значит так, бойцы! Ситуация такая! Вон там аул, – показывает рукой куда-то в сторону холма, – в нём бандиты. Предположительно от десяти до пятнадцати человек, – снова вздыхает и качает головой, – сложность в том, что в селе полно гражданских. А может и бандиты уже гражданские, поди сейчас разберись...

В глазах командира тоска. Да и нам не весело. Мы же тренировались, как? Подошёл! Гранату в окно и в дверь ещё одну, потом пару очередей. Заходим! Мы, мать его, диверсанты... Это нифига не наша работа... Не учили нас этому!

– Наши гнали большую банду: прорвавшись через блокпост, бандиты разделились – разбежавшись по аулам. Сейчас наши прочёсывают всё что можно... В одном из посёлков произошёл бой. Вместе с блокпостом: семь человек скоро полетят домой... в гробах... Так что предельная осторожность. Страхуйте друг друга, на рожон не лезете. При малейшей попытке сопротивления огонь на поражение. И запомните, если какая-то тварь выбегает и хватает вас за руки – это ни хрена не друг! И миндальничать с ней не нужно. Потому как, возможно, где-то сидит враг и целится в вас. Прикладом в зубы и стригите поляну! Если придётся, сам за всё отвечу, но вы мне живые нужны, – слова вылетают с ожесточением, кулаки стиснуты: – Слышите?! Живые!

Я не выдержал:

– Командир, проблемы будут! Всякие общечеловеки набегут!

– Отставить! Милославский, тебе Тунгуса или Ивана мало? Вы вон до сих пор на новеньких коситесь, как будто они в чём виноваты! Сказал, валить за малейшее подозрение, значит валить: кого прикладом в зубы, а если оружие в руках – сразу пулей. Топор тоже оружие, учтите... Сам за всё отвечу, если будет нужно...

Постоял, покачиваясь с пятки на носок:

– Всё понимаю! Всё! И то, что меня подставлять не захотите и самоуверенности полные штаны. Ох-хо-хох! Пойдёте тройками, смотрите во все стороны, новенькие со мной.

Получив вводную, начали выдвигаться:

– Милославский, ко мне! – подбегаю, встаю по стойке смирно, отдаю честь.

– Сержа...

– Отставить! Чего пыжишься? Думаешь, не доверяю – раз новеньких не дал? – приблизившись к моему уху, прошептал. – Доверяю, поэтому пойдёшь с Саней. Присмотри за ним, как бы чего... Ну и Быстрова возьми, он боец толковый. Ему бы ещё язык подрезать. Ох-хо-хох!

– Понял, командир! Всё сделаю! И это... – я слегка замялся.

– Что ещё?

– Это... Извините...

– Замяли, иди уже...

Вот и идём, обыскиваем дома, страхуем друг друга. Паскудство! Куда ни глянь: добропорядочные граждане, бандитов в глаза не видели. Руки так и чешутся, взять за глотку и потрясти, как следует...

– Мажор! – тихий шёпот на грани слышимости. Поворачиваюсь, Балагур прикладывает палец к губам. «Тихо!!!»

Подхожу к Вовке, что-то разглядывающему в щель между створками ворот. Шепчет:

– Командир. В углу двора. Телега. Под ней люк.

– С чего взял?

– Баба оттуда вылезла, и что-то говорила вниз...

– Схрон?

– Сто пудов.

– Пусти посмотреть, – отходит, пуская меня к щели. – Так, всё ясно. Заходим, Мелкий направо, паси дом. Балагур, на тебе тыл. Я к люку. Вперёд!!!

Вовка становится спиной к забору, складывает руки в замок. Саня разбегается... И как из катапульты взлетает вверх. Млять?! Вместо того чтоб заскочить на забор, оглядеться и потом спрыгнуть вниз, лёгкий Саня перелетел его! С запасом!!! Конечно, Вова привык подкидывать слонов и гиппопотамов. Вот и получился незапланированный полёт и такое же приземление. Всё! Теперь вся округа в курсе! Грохоту было!..

Стою посреди двора, как дурак, и не знаю, что делать. Саня умудрился, приземляясь, зацепить какие-то черепки. Теперь ни в дом, ни к люку. Пойдём в дом?.. Эти могут вылезти. К люку?.. А если, в доме кто-нибудь есть? Всё же... Если бандиты спрятались, то они в схроне. Его в тылу не оставишь. А дом и так припасти можно. Парни стерегут ворота и дом. Я тихонько подбираюсь к люку.

Подхожу к телеге и собираюсь заглянуть под неё... Тут из дома выскакивает беременная баба и начинает голосить: «Пошли вон, пошли вон». Ага, шнурки погладим и уйдём! Мы с Вованом припали к прицелам, пока Саня воевал с этой полоумной. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. В схроне точно прячутся. Родственник – иначе эта шальная не выскочила бы. Саня очень аккуратно заломил ей руку. И подтащил ко мне.

– Слышь!? – я приблизил к её перекошенному лицу своё. – Кто там? Муж, брат, сын? Скажи, пусть выкидывают оружие и по одному выходят.

– Нет там никого, убирайтесь...

Я перевернул телегу, выпустил короткую очередь в воздух:

– Всё слышали, суки? Считаю до трёх, не выйдете, зах...ю гранату. И тварь вашу грохну, как пособницу...

Это так, для красного словца. Не думаю, что в тот момент, я был готов убить беременную бабу.

– Раз... Два... Три... Ну, всё твари... прощайте...

– Стой, русский, стой! Не стреляй, мы выходим...

Крышка люка, откинулась... Дохнуло опасностью, я напрягся... Вылетела граната!!! В каком-то нечеловеческом прыжке, подхватываю её в воздухе и назад... Сюрприз!!! Гроыхнуло знатно, оборонительную швырнули гады... Нас бы тут всех посекло. Хренотень какая-то, они и родственницу свою приговорили, а может и не родственница она им, теперь-то не узнаем. Женщина тихонько скулила, да и фиг с ней...

– Как думаете, мужики, ещё надо гранату бросить? Ну, чисто подстраховаться?! – меня слегка поколачивало, от адреналина.

– А чего нам фарша бояться?! – заметил Санёк.

– Хи-хи... Ик... – вот и Балагур, что-то не шутит совсем?..

– Спускаться, проверять всё равно придётся.

– А кто полезет? – Саня задумчиво смотрит то на меня, то на Вову.

– Ну не я, точно...

– А почему?

– Я командир.

– Уважительная причина...

Отходняк, однако... Расслабились, а зря! Во время лёгкого обсуждения тяжёлого вопроса, я оказался спиной к дому. Непростительная оплошность. Зрачки глаз Сани расширились, повеяло смертью. Опасность! Вскидывая автомат, начал разворачиваться. Не успел! Автомат Санька пропел свою песню...

В дверях дома заваливался набок пацан лет тринадцати... Выпавший, из ослабевших рук, «калаш» валялся рядом.

– Млять! – присмотрел, называется, чтоб чего не вышло. Тут за самим глаз да глаз нужен!

Женщина взвыла дурным голосом и бросилась к мальцу.

– Хреново как-то вышло! – Саня поднял глаза к небу. – Ребёнок совсем...

– Успокойся, взял оружие – значит взрослый! – вот ведь, он ещё от гибели своего напарника не отошёл. А тут такое!

– Егор, дай сигарету. Пожалуйста! – пока идёт операция курить нельзя. Но тут такое дело...

– Конечно, держи. Иди, вон на брёвнышке посиди, а мы закончим. Вова, лезь вниз.

Матерясь, на чём свет стоит, недовольный Балагур полез в схрон. И, правда! Не мне же лезть, я командир или как? И тут нахлынуло... Что?.. Это?.. Такое?.. Уже намного позже я разобрался, что это было. Ненависть, месть! Желание убить!!! А сейчас меня накрыло что-то неизведанное. Плохое!!! Я начал метаться. Что это?.. Что?.. Женщина?! В тонких руках автомат, лежавший возле трупа её сына. Раззявы! Дуло почти смотрит на Саню. А тот, прикрыв глаза, курит, не замечая ничего. Время замерло. Что есть силы рву автомат вверх. Воздух, как кисель, неохотно расступается под напором холодного, бездушного метала. Я чувствую, как мышцы рук рвутся от напряжения, пытаюсь обогнать смерть. Быстрее!!! Я вижу, как палец напрягается на курке. Быстрее!!! Пока не выбран свободный ход. Я начал стрелять за мгновение до того, как прицел моего оружия достиг её ног. Пуля, выпущенная мной, достигла голени женщины. Стая свинцовых ос рвало её тело, впиваясь всё глубже. Поздно, её автомат уже изрыгает смерть... Мои ноги подкашиваются, руки выпускают автомат... Земля рывком, поднимается вверх... Спасительная темнота...

Тишина и покой. Хорошо-то как! Никаких забот. Всё хорошо. Ничего не болит... Не болит?! Болит! Ещё как болит! Всё тело! Больно-то как! Почему? Почему больно? Я жив? Наверное... А Саня умер!!! Мой друг, боевой товарищ... Умер... Он ушёл к Ваньке... И Тунгусу...

– С-а-а-а-а-аня!!!

– Не ори! Тут я...

Яркий свет ударил по глазам. Пытаюсь прикрыть лицо рукой. Хорошая попытка, жаль неудачная. Всю руку скрутило от жуткой боли.

– Не дёргайся, на тебе живого места нет.

– Я что, тоже умер?.. – я наконец-то приоткрыл один глаз. – Справа от меня сидел Санёк и курил, без каски, но с забинтованной головой.

– Что значит тоже? Я вот вполне живой и даже почти здоровый. Так, слетевшей каской ухо поцарапало... – пожимает плечами.

– Как?! Я же видел, она точно в тебя целила! – шевелить руками больше не пытаюсь. Только слегка повернул голову, уже хорошо, шея не болела...

Саня затанулся, выпустил струю дыма:

– Наверное. Я не видел, – смотрит мне в глаза, – Балагур сказал, что ты не мог успеть... Но успел...

Молчит, смотрит на меня и молчит. Ждёт чего-то? Чего? Я точно знаю, что опоздал... Если только... Хм!? Может быть!? Теоретически конечно... Возможно, первая пуля была ещё в стволе, когда мои выстрелы... Да!!! Я всё же успел! Сбил прицел! Невероятно, но другого объяснения я не вижу. А и чёрт с ним. Главное – Санёк живой!

– Чего молчишь?

– А что говорить? – недоумеваю.

– Как ты смог ускориться?

– Чего? Ничего я не ускорялся... Не говори ерунды – это фантастика!

– Ну да, ну да... Ты на руки свои посмотри, они же синего цвета – один большой синяк!

Я скосил глаза, на свои руки... М-дя!? Действительно, одна большая гематома. Млять!

В госпиталь законопатят, как пить дать законопатят! Я застонал...

– Да не бойсь, – Санёк последний раз затянулся, потушил окуроч и втоптал каблуком в землю, – Степаныч обещал без мясников вылечить: мазь у него душевная есть. За неделю всё пройдёт...

– Хорошо бы... А где все? – я наконец-то решил оглядеться. Лежу на земле, возле нашего ЗИЛа, в теньке.

– Бандитов зачищают.

– А что так тихо?

И тут бабахнуло! Конкретно так, громко! Саня схватился за рацию, начал что-то бубнить. И довольно улыбаясь, повернулся ко мне:

– Всё путём! Наши озоруют... – присел рядом со мной, – спасибо, Егор!

– За что?

– Что жена вдовой не стала... За то, что себя не жалел... Что слово, данное Ваньке, не нарушу... За всё спасибо...

Полез в карман, достал сигарету, прикурил... Хм. А сигареты-то мои курит!

– Саня, ты же не куришь!?

– Закуришь тут...

– Тогда уж и раненому товарищу прикури...

– Ты же бросаешь!?

– Бросишь тут...

Ну что же, попытаюсь рассказать, чем закончилась эта история: хотя бы в общих чертах. Парни нашли в одном из подвалов, не хилый запас взрывчатки, гранат и оружия. Как я уже упоминал, народ у нас подобрался загадочный. Быстро посоветовавшись Степаныч, Андрей, Марат и примкнувший к ним Балагур перетаскали всё взрывающееся в уже разрушенный подвал. Скинули туда трупы – женщины и парнишки. И рванули... Да. Тот самый взрыв... И пошли сдаваться Рогожину.

Ух, и орал он на них... Так разозлился, что дал Степанычу в ухо. А парням впаял по пять нарядов. Спросите, почему прапорщику прилетело в ухо? Ну, дык он же старший... А разозлился старший лейтенант потому, что его не позвали... Обиделся...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А вскоре произошло событие, давшее нашей дружной компании имя. Точнее не само событие, а его последствия. Да и причина, и активный участник – Саня, тоже сменил своё прозвище Мелкий, на... Но давайте по порядку!

После зачистки аула, в котором чуть не погиб Саня, я целых четыре дня ходил с синяками на руках. Не верится, но крайне вонючая мазь Степаныча помогла. И синяки уже на второй день изменили свой цвет и начали уменьшаться. Всё это время, Саня ходил с крайне загадочным видом и, наконец, выдал:

– Братва... Мы спецназ или кто?.. – выдерживает многозначительную паузу. – Почему у нас нет своего отличительного знака?..

– Ты о чём?..

– Нам нужна своя татуировка!..

– А я вот не хочу никакую татуировку!.. – Олег нахмурился. – Понты всё это!..

– А тебе, салабону, никто и не предлагает... Заслужи сначала...

– Что значит заслужи?.. – обиделся новичок. – Я что не достоин, да? Братцы, что вы молчите... Вы же знаете... Да я за вас... Да любому...

– Достоин, достоин... – похлопал парня по плечу Санёк, – можешь наколоть, никто не возражает!..

Вот ведь молодец Саня, развёл... Не хотел ведь Олег, а теперь попробуй, останови... Я, если честно, тоже не сторонник подобных украшений:

– Александр, не могли бы вы озвучить своё предложение: поконкретней?

И он озвучил... Народу понравилось... Я плюнул на принципы и вписался. А что, Марат художник от бога, нарисует глаз не оторвать... Но, как известно инициатива имеет инициатора, поэтому за спиртом к медикам отправили Саню. Нужна дезинфекция: климат здесь такой, что гниёт любая царапина...

Напрямки, через лесок, было совсем не далеко, и через полчаса Саня уже подходил к месту назначения. Тропинка петляла среди кустов, как будто её прокладывал пьяный заяц. Вот уже виден дом, на крыше которого сидят двое солдат и чего-то делают. Может ремонт? Впереди пустое ровное пространство. «Если воткнуть здесь растяжку, положит всех без вариантов. Прицепить повыше и всё: ни бугорочка, ни ямки. Спрятаться негде... – думал Саня, – вот ведь, совсем уже крыша едет, зачем мне здесь растяжку ставить?»

Шёлк... Отлетела чека... Саня замер в ступоре: «Накаркал?.. Вот и всё... прощай Лидочка.»

Бабах... Чугунные осколки полетели по своей смертельной траектории... Сидящие на крыше солдаты вздрогнули: сперва от взрыва, потом от ударившего между ними в шифер осколка.

– Петруха, это что было?

– Взрыв!.. Млять!.. Что тупишь, бежим скорей...

На взрыв уже бежали со всех сторон... Раздавались крики, вопросы... Кто-то пытался командовать...

А белый, как полотно, Санёк – стоял и матерился... Один осколок застрял в автоматном рожке, второй пропорол штаны – сзади под коленкой. Третий по старой традиции попал в каску и многострадальное ухо опять кровило. Не считая этого, на парне не было ни одной царапины. Народ стоял вокруг и тихо шалел! Всё вокруг посечено осколками, а этот живой?

– Говорил я тебе, не надо здесь растяжку ставить... – тихий шёпот, почти не слышный. Но кому надо, тот услышал.

Конечно, нехорошо когда своих быют... На Руси принято сперва помочь своим, а потом уже разбираться, кто прав, кто виноват. Но видимо что-то в людях, ходящих под смертью, меняется. Мелкого Саню оттащили от двух валяющихся в пыли и стонущих амбалов... Когда он их уже просто вдумчиво пинал...

– Чьих будешь, хлопец? – седой майор потёр подбородок. – Кто ж вами такими резвыми командует?

– Старший лейтенант Рогожин! – гаркнул всё ещё разгорячённый Санёк.

– А-а-а... Спецура... Тогда понятно... А то я удивляюсь!.. Мелкий, а таких шкафов записал?.. Скажи старлею, пусть зайдёт... Порешаем, как ситуацию разгуживать... Дерьмо ситуация-то!!!

– Да уж пропишет он мне...

– За самоволку? – Майор понимающе улыбнулся, вспоминая молодость. – Небось, за спиртяшкой намылился?

– За то, что этим упырям руки сломать не успел... А спирт мне для дела...

– Ну, спирт всегда для дела...

– Мы не пить! Для дезинфекции... Татуировки десять человек делать будут...

– Добре... Капитан, прикажите принести парню литр... Нет! Два! У него день рождения... И командира этих... – кивнул на стонущих на земле парней, – ко мне, я буду его учить Родину любить...

Ну что добавить... Рогожин сходил к майору; решили шум не поднимать... Саня хорошо полетовал... Избитых им бойцов пришлось госпитализировать. Но, они были без претензий... За поставленную растяжку можно было огрести, а если бы Саня погиб, то вообще...

Хотя без казуса не обошлось... Летёха, в чьём подчинении находились эти два дурня, явившись к начальству, начал качать права: требуя отдать Саню под суд. Майор, как человек чрезвычайно душевный, слегка пожурил его. Объяснил, чем лично ему, как командиру, грозит данная ситуация. Летёха проникся, поблагодарил начальство за понимание и, прикрывая подбитый глаз и держась за живот, пошёл к себе...

А у Сани появился железный аргумент для убеждения:

– Только собрался наколоть, а уже помогло... Реальный талисман...

При таком раскладе согласились все! Как-то быстро, здесь, становишься суеверным... У нас предвиделось пару свободных дней. Рогожин куда-то уехал: по своим командирским делам! Воспользовавшись моментом, Марат успешно справился с задачей! Нет, у парня точно талант! Вот только не подумайте, что Хан пахал как швея-мотористка. Нет. Просто пока Сашка совершал свой вояж, мы устроили коллективный забег... В поисках парней способных помочь в столь ответственном деле. И таки нашли, и после появления Санька нам было даже чем отблагодарить ребят. Два литра медицинского спирта, это примерно четыре с половиной литра сорокоградусной. Так что отблагодарить четвёрку хороших ребят нам было чем. Марик же в основном рисовал и колол центральную фигуру татухи. Правда, мне лично набил всё целиком, ну а как иначе-то? Ну, кому ещё он мог меня доверить?

Красивая получилась татуировка: цветная – занявшая почти всю левую половину груди. Раскинувший крылья, атакующий коршун, именно его Марик никому не доверил колоть. На спине у него десантный парашют, на голове берет – он же десантник! Открытый в крике клюв и растопыренные когти – в крови... На правом крыле надпись «Умирать не страшно», на левом «Умри достойно». Сверху лента на ней «Кровь пьянит, как хмельное вино», внизу ещё одна «Десант похмеляется водкой».

А вот потом, по возвращении начальства, на ближайшей тренировке мы все спалились... Рогожин рвал и метал. Дескать, что за диверсанты... Всё на груди написано... Вот у него никаких татуировок нет! Бла-бла-бла... И устроил нам мстю... Я думал, помру... Мы конечно виноваты. Ну, нельзя же так издеваться над людьми... Вам никогда не приходилось присутствовать

на похоронах... того, чем вам сделали татуировку? Нет? А я копал яму, пел псалмы и ставил крест... О-о-о-огромную ямищу – три на три метра и в глубину два! И крест из двух брёвен... А на следующий день, командир построил нас и сказал:

– Вы стадо баранов... – мы устало покивали, – стадо разукрашенных баранов!

– А я командир этого стада... – мы продолжали синхронно качать головами, – значит главный баран?!

Народ замер! А вот это не по сценарию:

– Да как можно?.. Какой же вы...

– Так! Стоп! Я командир?

– Командир! Командир! Да ещё какой! Самый лучший...

– А вы бараны?

– Ещё какие! Самые элитные!!!

– Какой вывод?.. – молчим. Рогожин тяжело вздохнул:

– Придётся соответствовать. Хаматшин!

– Я! – гаркнул Марат.

– Тащи инструмент! И чтоб у моей птицы были погоны старшего лейтенанта. Доживу до капитана, ещё по звёздочке добавлю... Ха-ха! Прикольно...

– А когда майором станете? Как быть?

– Быстров, опять ты? Хотя в чём-то ты прав... Это я сказал? Дожил! Значит, на берете будет звезда... красная. Командир я или как!? Хаматшин, ты ещё здесь? Где инструмент?

– Но, мы ведь его закопали?!

– Кого?

– Инструмент...

– Зря вы это... Надо откопать! Объявляю операцию «Эксгумация»! Лопаты взяли и вперёд!

– О-о-о...

– Хаматшин, брось лопату! Кому говорю? А если руки дрожать будут? Ты меня насмерть затыкать хочешь? Милославский, ты дурак? Зачем всю яму откапываете? Посередке копайте... Глаз да глаз за вами нужен. Чуть не доглядел и всё! Как один накололи татуировку – как у меня. Быстров, ты, что хочешь сказать, что у меня будет – как у тебя? Нет?.. Что?.. Тебе всегда нравилась моя татуировка... А-а-а, всем нравилась! И вы, значит, решили порадовать командира! От спасибо! Может, ещё что-нибудь покопаем? Как зачем? Вдруг найдём чего?! Я так люблю сюрпризы... Что? А-а-а, теперь вы советоваться будете... Вы умнеете прямо на глазах... Смотрю труд вам на пользу... может ещё чего-нибудь копнуть... Что? Вы и так уже умные... Ладно, отдыхайте трудоголики... Марат за мной!!!

Ну, как вы, наверное, уже догадались, мы стали Коршунами, а Санёк стал Лаки, что в переводе значит Счастливчик...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Этот памятный для меня разговор произошёл через два дня, после того как старший лейтенант Рогожин набил себе татуировку. Мы сидели в командирской палатке и пили чай. Командир с какой-то задумчивой отрешённостью рассматривал меня, а я тихонько прихлёбывал горячий чай и молчал. Вдруг, как будто что-то решив для себя, Рогожин поинтересовался:

– Не хочешь меня ни о чём спросить?

– Да нет, товарищ старший лейтенант, – слегка удивился я, – а должен?

– Руслан.

– Что?

– Я говорю, наедине зови меня по имени, – и неожиданно тепло, улыбнувшись, предложил: – Если хочешь, кури.

– Э-э-э... Спасибо, я не хочу.

– Руслан.

– Что?

– Я говорю, надо сказать: спасибо я не хочу, Руслан.

– Да, как-то это... – пытаюсь помочь себе жестами.

– Ладно, не парься, – смеётся. – Потом привыкнешь. Так что же, ни о чём спросить меня не хочешь?

– Да, нет.

– Ладно, я сам спрошу. Как тебе ощущение от ускорения? – и пристально так, в глаза мне смотрит.

– Какое ускорение, товарищ старший лейтенант?

Покачивая головой, немного раздражённо говорит:

– То самое! Из-за которого твои руки в синяк превратились!

– Товарищ...

Хрясь! Ударив кулаком по столу, привстал и, навалившись на стол, придавил меня взглядом:

– Ты это брось! Сдохнуть хочешь, щенок!? В следующий раз – сердце откажет и всё! Пишите письма! – неожиданно успокоившись, сел на стул и прикрыв глаза спросил. – Может, гуманней добить тебя, чтоб не мучился? Что ты глазами хлопаешь? Чай не девка! Не соблазнюсь!

А я сидел потерянный и не знал, что сказать. Ведь, даже себе, боялся признаться в произошедшем, хотя результат был на лицо, точнее на руки. Думал: слегка крышей еду, такие галюны ловить. Ведь такого не бывает, нет, я, конечно, замечал, что в бою время течёт, как бы медленней, но это от адреналина – восприятие ускоряется и всё такое... А здесь? Я же видел, как пуля летит. Ме-е-едленно так. А если запрут в какой-нибудь лаборатории? И всё, получи папа похоронку на сына. Ну, нафиг!

Видно что-то такое отразилось на моём лице и Рогожин, усмехнувшись, сказал:

– Достань сигареты.

Я, послушно вытащив из кармана пачку «Явы», протянул ему.

– Не надо, – и убрав руки за спину, продолжил: – Открой!

Открыв, с ожиданием смотрю на него.

– Посчитай.

– Пять.

Командир улыбается:

– Ты уверен? Посчитай снова!

Пожав плечами, перевожу взгляд на пачку: «Чёрт! Четыре! Гоню?» Поднимаю взгляд, на Рогожина: «Твою мать!» Сидит, довольно улыбаясь, а во рту сигарета. «Он же не курит?» – пролетела шальная мысль. Мля-я-ять!

– Това-а-а... Э-э-э... Руслан?

Командир, всё так же улыбаясь, подмигивает:

– Ну что, учиться будем?

– Опять? – содрогаюсь я.

Палатку заливают хохот Руслана. Я пытаюсь сдержаться, но мне это не удаётся, поэтому присоединяюсь к нему. И вот, наконец-то, тяжесть, преследовавшая меня последние дни, отступила. Стало легко и свободно. Теперь не пропаду, мой командир любому глотку порвёт за своих!

– Ну что ж, брат Егорка! Для начала я научу тебя контролировать этот процесс, вызывая его по своему желанию. И регулировать скорость, а то, знаешь ли, перестараться и загнётся с непривычки. Особенно, если так разгоняться. Кстати, удивил ты меня, даже не знал, что так разогнаться можно. Хотя в твоём случае, даже не знаю, чего ожидать ещё!?

– В моём случае? – заинтересовался я. – А что со мной?

– Ничего, просто удивил ты меня!

Странно... Я вдруг отчётливо понял – врёт! Но настаивать не рискнул. А ведь не первая оговорка. Далеко не первая и не последняя. И ведь, сколько я помню, с самого первого дня нашего знакомства, он уделял мне пристальное внимание и гонял больше и бил сильнее. Но это я так возмущаюсь, если бы Руслан не гонял меня то, скорее всего, остался бы я на том перевале, рядом с Тунгусом. Или чуть позже, поводов то хоть отбавляй...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Странные всё-таки у Рогожина методы убеждения, странные, но действенные... Взять хотя бы тот показательный суд, который он учинил над нами – надо мной и Санькой. Мы как раз вернулись с той злополучной зачистки, когда Саня чуть не отправился на тот свет! И пребывали в весьма расстроенных чувствах – оба! Напарник, застреливший парнишку и я, убивший его мать! В душе как будто что-то оборвалось; я убил женщину! Беременную!!! Было такое ощущение, что я весь в крови: даже во рту был привкус крови.

Сашка тоже выглядел не лучшим образом, и мы добивали уже вторую пачку сигарет. Парни же тактично молчали и не задавали лишних вопросов.

И вот сидя на своих кроватях, измазанные крайне вонючей мазью Степаныча, придавались душевным терзаниям. Рогожин влетел как тайфун и сразу начал раздавать приказы. В результате получился этакий импровизированный судебный зал. За столом сидели Рогожин и Степаныч, мы в стороне на двух табуретах, а парни изображали зал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.